

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 15-048

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ РЕЗИДЕНТА «ПАТРАСА»

М.Е. Болтунов

Гриф секретности снят

Михаил Болтунов

**Секретная миссия
резидента «Патраса»**

«ВЕЧЕ»

2015

Болтунов М. Е.

Секретная миссия резидента «Патраса» /
М. Е. Болтунов — «ВЕЧЕ», 2015 — (Гриф секретности
снят)

Судьбы людей, о которых идет речь в книге, порою похожи на этакий роман-фэнтези с резво закрученным сюжетом. Не просто поверить в то, что наш офицер-разведчик, работавший под крышей советского информагентства, водил дружбу с всесильным министром юстиции Робертом Кеннеди, а в сложные месяцы Берлинского и Карибского кризисов передавал от главы США известия лично Никите Хрущеву. Другой герой книги – шофер советского военного атташе в Вашингтоне. Воинское звание весьма скромное – старший лейтенант, но на самом деле резидент военной разведки в сердце США.

Содержание

Предисловие	5
И один в поле воин	6
Дипломатическая «Мекка»	9
Присягаю флоту	12
Долг превыше всего	16
Снова туманный Альбион	19
Жизненная школа	24
И снова на войне	30
Время выбрало нас	37
«Дурные» качели	39
Новогодний «подарок»	42
Учиться и еще раз учиться...	44
В стране Вильгельма Телля	46
В Вечном городе	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Михаил Болтунов

Секретная миссия резидента "Патраса"

Предисловие

Судьбы людей, о которых идет речь в книге, порою похожи на этакий роман-фэнтези с резво закрученным сюжетом. Услышав впервые историю их жизни, не можешь отрешиться от навязчивой мысли, что такого в реальности и быть-то не могло.

Согласитесь, непросто поверить в то, что наш офицер-разведчик, работавший под крышей советского информангентства, водил дружбу с всемогущим министром юстиции Робертом Кеннеди, братом президента США. Да и с Джоном Кеннеди нередко встречался, а в сложные месяцы Берлинского и Карибского кризисов передавал от главы США известия лично председателю Совмина и первому секретарю ЦК Никите Хрущеву.

Имя этого человека – Георгий Большаков.

Или еще один – всего лишь шофер советского военного атташе в Вашингтоне. Военское звание весьма скромное – старший лейтенант. За границей впервые, страны не знает, языка тоже. Но на самом деле резидент военной разведки в сердце США. Хотите, верьте, хотите – нет, но был такой резидент в Америке во время войны – Лев Сергеев. Работал замечательно. Из-за океана вернулся в 1945 году с высшей наградой Родины – орденом Ленина. И этим все сказано.

Другие персонажи книги – под стать первым двум героям.

Одессит Александр Хоменко встретил 22 июня 1941 года курсантом авиационного училища штурманов. Во втором бою его самолет сбили, и всю войну он, рожденный летать, провоял в пехоте, на самом «передке».

Вел ожесточенные бои в безводных Сальских степях, попадал под «танковый каток» армии Клейста, спасал боевое знамя полка, обвязав его вокруг себя, проламывал «стальной пояс», гордость Гитлера на реке Миус, форсировал Днепр, освобождал родную Одессу, потом Белоруссию, Польшу. И в 21 год уже командовал стрелковым полком! Да не каким-нибудь запасным, а боевым, фронтовым. Разве не фантастика?!

А после войны служил в разведке. Представлял нашу страну в Швейцарии, Италии, Алжире. В самое горячее время, в начале 80-х годов, когда обстановку в Польше взорвала «Солидарность» и ее лидер Лех Валенса, Хоменко назначили советским военным атташе в Варшаве.

Какие материалы он там добывал! Пока это государственная тайна. Скажу только, что даже начальник Генерального штаба маршал Сергей Ахромеев, прочитав их, только развел руками: «Это не мой уровень».

На следующий день генерал Хоменко ехал на доклад к секретарю ЦК партии.

Что было дальше, узнаете из книги. Читайте, дорогие любители истории военной разведки. Поверьте, там много интересного!

С уважением, автор

И один в поле воин

Океан штормило. Корабль кренился на один борт, потом медленно возвращался в прежнее положение, и вновь словно падал в бездну. У английских моряков было чему поучиться. Они прекрасные мореходы. Дети островного государства, благополучие которого полностью зависело от морских сообщений, они, казалось, с молоком матери впитали любовь к океану, стойкость и умение сражаться. Вот и теперь, в штормовом океане, несмотря на штыковую атаку ледяного ветра, когда палуба уходила из-под ног, умело выполняли свои корабельные обязанности, прекрасно понимая, что от каждого из них зависит успех всего экипажа.

На команды с ходового мостика слышались четкие ответы. Только вместо русского «Есть!», «Так точно!» звучали непривычные уху советского морского офицера отрывистые английские фразы: «Ай, сэр!», «Вэри гуд, сэр!».

Впрочем, многое тут было необычным для лейтенанта Николая Ивлиева. Вот уж никогда не думал, что свое первое дальнее плавание, а вместе с ним и боевое крещение, он примет на борту английского эсминца «Онслот» в Северном Ледовитом океане, вдали от родных берегов.

Из уважения к союзникам командир эсминца пригласил Ивлиева на ходовой мостик. Шли они в группе, три британских корабля из союзного конвоя. Возвращались домой, успешно выполнив задачу. В Архангельске приняли на борт трех русских – морского лейтенанта Николая Ивлиева, который следовал в Великобританию в свою первую зарубежную командировку, в состав аппарата военно-морского атташе и советской военной миссии, а также двух дипкурьеров со спецпочтой. Доставка диппочты на боевом корабле, да еще на иностранном, стала для них делом новым, но другого, более безопасного пути до Англии тогда просто не существовало.

Да и Николаю многое было внове. Профессиональные знания в Черноморском высшем военно-морском училище им. П. Нахимова ему дали хорошие, но, как ни крути, чужой, иностранный корабль – это не свой, родной. Чего стоит непростая английская терминология по управлению судном! В училище он, конечно, занимался иностранным языком, понимая, что моряк без знания английского – считай, плохой моряк. Однако теоретических знаний оказалось недостаточно, нужна была практика. А где ее взять в Севастополе? Потому с первых дней пребывания на корабле Ивлиев старался подтянуть свой языковой уровень.

С интересом смотрел он за эсминцами «Марне» и «Мартином», которые шли следом. Корабли ныряли под огромную встречную волну, карабкались вверх, обдаваемые градом ледяных соленых брызг, задирая высоко в небо форштевени. Казалось, миноносцы, словно волшебные корабли из сказки, старались взлететь, да морская пучина не отпускала их.

Лейтенант Ивлиев постоянно ловил на себе любопытные взгляды английских моряков. Еще бы, они и представить не могли, что на их боевом корабле появится красный, советский офицер, да еще будет стоять с командиром на ходовом мостике. Это потом, в Лондоне, Николай почитает старые, предвоенные английские газеты и будет поражен тому, что писали в них о Советском Союзе. Торговый представитель мистер Каттинг, из города Халле, человек вполне образованный и интеллигентный, позже признался, что, приехав встречать Ивлиева на вокзал, ждал, что из вагона выйдет русский богатырь в косоворотке, в сапогах и непременно с балалайкой. Именно так изображали русских в печати и в кино. Странно, но этому верили. А тут, к общему сожалению, на перроне появился человек европейской наружности, в форме морского офицера, кстати, весьма похожей на английскую. Так что удивленные взгляды матросов были вполне понятны.

Тем временем на мостике эсминца началось непонятное оживление. Командир, поймав взгляд Ивлиева, объяснил:

– Получена радиограмма из Адмиралтейства. Впереди по курсу, у норвежского побережья, немецкий корабль. Приказано уничтожить.

На судне прозвучала боевая тревога. Николай чувствовал, как к горлу подкатывает волнение: четыре года готовили его, обучали, тренировали... И вот он приближается, первый морской бой. Лейтенант вглядывается вдаль. На горизонте появляется силуэт неопознанного корабля.

Командир эсминца приказывает передать семафор по международному коду, требует застопорить ход для опознания. Вместо ответа вражеское судно открывает огонь.

Капитан «Онслота» занимает на мостике самое видное место. Его должны видеть все. Николай, затаив дыхание, следит за командиром. Тот спокойно и даже торжественно, сняв головной убор, командует: «Оупн файе!» («Открыть огонь!»)

Начинается артиллерийская дуэль. Фашистский минный заградитель «Ульм» отчаянно отстреливается. На корме эсминца «Марна» вспыхивает пожар. На «Онслоте» появились первые раненые.

Командир «Онслота», он же старший звена, приказывает подчиненным кораблям: прекратить огонь и выйти из боя. Сам же идет на сближение и продолжает вести обстрел. Пули свистят над головами офицеров на мостике.

Первый торпедный залп прошел мимо и не нанес вреда фашисту. Второй достиг своей цели. На вражеском корабле прозвучал сильный взрыв. За ним последовали другие: сдетонировали мины на борту немецкого заградителя.

Темное северное небо расколот огромный столб огня. «Ульм» на глазах английских моряков разломился надвое и стал погружаться в ледяную пучину. Признаться, потом много чего придется повидать Николаю Ивлиеву на белом свете, но свой первый бой он запомнит навсегда. Порою, вне его воли, вновь и вновь возникала перед глазами та жуткая картина: пламень пожара, штормовой океан, и обезумевшие фашисты прыгают в ледяную воду.

Английские моряки вытаскивают объятых ужасом немцев на борт эсминца.

Однако вскоре в небе над кораблями появился немецкий самолет. Он и сыграл роковую роль. Командир «Онслота» приказывает прекратить спасательные работы и покинуть опасный район. Ведь бой произошел у норвежских берегов, где располагались фашистские морские базы и авиационные части.

Британские эсминцы дали ход, и над черной водой раздался дикий душераздирающий вопль. Отдельные крики отчаяния десятков людей слились в единый предсмертный вой, леденящий душу.

Через много десятилетий после того события Николай Васильевич Ивлиев скажет в беседе со мной: «Эти страшные мгновения не передать словами. Искаженные в ужасе, посиневшие лица тонущих в ледяной воде, вот что такое для меня война».

После боя Ивлиев решил проведать попутчиков – дипкурьеров, которые все это время находились в трюме эсминца. Их состояние можно было охарактеризовать старой русской поговоркой: ни живы, ни мертвы. В задраенном наглухо трюме, не видя происходящего наверху, глухие удары отстрелянных гильз о металлическую палубу и близкие разрывы вражеских снарядов они воспринимали как прямое попадание в судно.

Курьеры так и заявили Николаю: мол, от этих страшных ударов, взрывов и скрежета металла они едва не оглохли и не потеряли разум. Здесь же ребята поклялись, что больше никогда в жизни не согласятся повторить такое путешествие.

Вскоре лейтенанта Ивлиева пригласил к себе старший помощник командира эсминца. Он предложил принять участие в допросе командира фашистского минзага «Ульм» корветен-капитана Бита, спасенного из воды.

Поначалу Бит упорно отказывался говорить, ссылаясь на незнание английского языка. Однако четыреста граммов виски, принятые как «средство от простуды», наконец сделали

свое дело. Капитан заговорил на английском. Вперив зашелевший взгляд в Ивлиева, он спросил:

- Почему у вас на корабле советский офицер?
- Странный вопрос, – усмехнулся старший помощник. – Они наши союзники.
- Мы должны быть союзниками против русских.

Этот ответ немецкого корветен-капитана вызвал искреннее возмущение всех присутствующих на допросе.

А дальше был переход эсминцев в главную военно-морскую базу Великобритании Скапа-Флоу. После совместного участия в бою лейтенант советского военно-морского флота Николай Ивлиев стал своим человеком на борту «Онслота». Английские моряки увидели его в деле. А это самое главное.

Дипломатическая «Мекка»

В Лондон Ивлиев и дипкурьеры добирались по железной дороге. На каждой станции им представлялась диковинная картина: в торговых палатках они видели упаковки с различными продуктами. И это в воюющей стране.

Не выдержав таких соблазнов, дипкурьеры попросили Николая, как человека, владеющего английским языком, сойти на одной из станций и купить по плитке шоколада. Кто-то из них даже пошутил: мол, это будет первая твоя дипломатическая миссия. Увы, миссия успешно провалилась. Обескураженный лейтенант возвратился в вагон ни с чем и объяснил, что деликатесы выдаются только по карточкам. Один из попутчиков не поверил и сам спустился на платформу. Каково же было удивление, когда он вернулся с шоколадом. Не зная на английском ни слова, тем не менее жестами, улыбкой «уговорил» продавщицу, и та отступила от строгих правил. Что ж, неприятный, но весьма полезный урок.

По приезде в Лондон Ивлиев представился послу Ивану Майскому, временно исполняющему обязанности военно-морского атташе контр-адмиралу Николаю Харламову и начальнику конвойной службы капитану 1-го ранга Николаю Морозовскому.

«Лондон военного времени, – напишет позже Николай Васильевич, – был чем-то вроде дипломатической “Мекки” для всего остального мира. Он приютил на своих пространствах официальных и неофициальных представителей, как свободных независимых, так и оккупированных фашистами государств.

В этом городе сосуществовали представительства самых различных течений, иногда даже противоположных политических систем одной и той же страны: от короля Хокона VII и югославского Петра II до главы французского движения Сопротивления генерала де Голля и югославских партизан.

Советский Союз имел в Лондоне отдельное посольство, при так называемых “малых государствах”».

Попав в эту дипломатическую «Мекку», молодой лейтенант, признаться, поначалу оробел. «Мои личные скромные возможности, а тем более далеко не элитная биография, никак не соответствовали тем поистине историческим задачам, которые предстояло решать в сложных, неординарных военных условиях», – считал Ивлиев.

Здесь, в столице Великобритании, он познакомился с братьями Голицыными, графиней Толстой и ее племянником молодым графом Михаилом Толстым. Он же был далек от графских кровей. Родился, как говорит сам Николай Васильевич, «на диком крестьянском хуторе» в голой заволжской степи, где-то между Камышином и станцией Кайсацкой. С детства помнит одну безрадостную картину: под горячим солнцем до самого горизонта колыхаются ковыли, взмывают в небо пыльные смерчи, катятся высохшие перекасти-поле. Он всегда считал, что песня «Степь да степь кругом» – о его родине, со знойными миражами летом и жестокими вьюжными бурями зимой. Именно в их степи, как и поется в песне, замерзали сбившиеся с дороги ямщики. Впрочем, не только ямщики. Такая горькая участь постигла одного из братьев Николая.

Всего их, братьев и сестер Ивлиевых, в семье было тринадцать. И он, Николушка, – самый младший. Ему больше других и доставалось от мачехи. Весь свой гнев и раздражение «новая мать», как представил ее отец, вымещала на самом младшем и беззащитном члене семьи: нередко забывала покормить, в жестокие зимние морозы и пургу посылала к соседям за хозяйственными безделушками, часто поколачивала ребенка. Она не очень-то и скрывала свое намерение избавиться от лишнего рта. И, возможно, избавилась бы, да Николке несказанно повезло. Однажды на их хутор приехал брат отца – Иван Степанович с семьей.

Понаблюдав за мачехой, поговорив с соседями, дядя быстро смекнул, что дела младшего племянника плохи. И он уговорил брата отдать сына ему на воспитание. Так Николка попал с семьей дяди сначала в Сталинград, потом все вместе переехали в Ростов-на-Дону. Здесь он окончил среднюю школу. Пришло время определяться в жизни.

А тут и сама жизнь дала подсказку. Однажды вместе со своим одноклассником и другом Васей Григорьевым они прочитали в газете объявление о наборе в Севастопольское высшее военно-морское училище.

Оно только открывалось и делало первый набор. Откровенно говоря, два друга вовсе не собирались становиться курсантами. А вот прокатиться до Севастополя и обратно за государственный счет (военкомат выписывал поступающим проездные документы), увидеть море, поплавать, позагорать очень хотелось. После такой во всех отношениях приятной поездки друзья собирались возвратиться в родной Ростов-на-Дону и поступать в один из местных институтов.

Исполнить мечту было несложно. Для этого на вступительных экзаменах следовало получить двойку. Что ж, задумано – сделано. На первом же экзамене Николай и Василий удостоились столь высокого балла. И все бы хорошо, можно было отправляться на вокзал, но Ивлиев вдруг почувствовал себя плохо. Обратился к врачам. Оказалось, у него сильно поднялась температура. Николая поместили в лазарет училища береговой охраны. В его родном военно-морском училище лазарет пока не построили.

Больничная койка, по сути, изменила жизнь Николая Ивлиева. В лазарете он познакомился с курсантами выпускного курса. Ребята оказались, как на подбор, крепкие, спортивные, загорелые. С ними было весело и интересно. Узнав о проделке ростовских друзей, они высмеяли Николая, обзвав его «салагой». Кто такой «салага», Ивлиев толком не знал. Но, как скажет потом Николай Васильевич, *«с ужасом, почти физически ощутил, какую роковую ошибку совершаю»*.

Выйдя из лазарета, Ивлиев узнал, что экзамены уже закончились. Однако он добился встречи с председателем приемной комиссии и потребовал переэкзаменовки, ссылаясь на то, что полученная прежде двойка – результат высокой температуры и болезни.

С трудом ему удалось убедить председателя, но тем не менее он своего добился. Экзамены пересдал и набрал необходимый проходной балл. Каково же было счастье Николая, когда он увидел свою фамилию в списках зачисленных курсантов Высшего военно-морского училища им. П. Нахимова.

Шел 1937 год. Первый набор состоялся, но училища, по сути, не существовало. Еще только строился учебный корпус, общежитие, спортивная база, жилой офицерский городок.

Все эти объекты возводились на каменистом побережье между бухтами Стрелецкой и Песочной, что под Севастополем. В свободное от учебы время курсанты трудились на стройке. А ютиться приходилось в палатках.

Со временем жизнь в училище налаживалась. Возникла художественная самодеятельность, в которой курсант Ивлиев принимал самое активное участие. Еще в школе он посещал драмкружок, осваивал модный в то время «степ». Вместе с другими курсантами он даже организовал танцевальный ансамбль. Разумеется, самодеятельные артисты били не только чечетку, но и танцевали народные и морские пляски.

Николай любил спорт, особенно дальние шлюпочные походы на яхтах и шестивесельных ялах по Черному морю.

За год до окончания в училище приехал представитель Главного штаба военно-морского флота капитан 1-го ранга Александр Близнаков. Из 400 курсантов он выбрал пятерых, среди которых был и Николай Ивлиев. Тогда им никто толком ничего не объяснял: побеседовали, сказали, что они отобраны для какой-то «особой службы». Однако что это за служба, так и осталось тайной.

Училище они окончили в начале 1941 года и сразу оказались участниками эксперимента, проводимого на флоте. После государственных экзаменов их выпуск направили на корабли, но звания лейтенантов не присвоили. Они ходили в мичманах.

Ночь с 21 на 22 июня 1941 года мичман Ивлиев встретил дублером вахтенного офицера на линейном корабле «Парижская коммуна». Корабль недавно возвратился из длительных и сложных учений в составе Черноморской эскадры, и теперь «отдыхал» на бочке в Севастопольской бухте.

Ночь была тихая и теплая. Неожиданно южное небо взорвалось зловещим шумом десятков авиационных моторов. Из штаба флота поступил сигнал: «Вражеские самолеты! Открыть огонь!»

Так началась война для Николая Ивлиева. Вскоре всех выпускников училища им. П. Нахимова отозвали с кораблей в родную альма-матер. Им присвоили офицерские звания лейтенантов. Казалось, о пятерке отобранных Близнаковым забыли. Впрочем, и сами молодые лейтенанты не вспоминали о том эпизоде. Началась война, и они рвались на фронт, на корабли.

Однако все сложилось иначе. Вместо флота их отправили в Москву, сказали – на ускоренные «спецкурсы». И только по прибытии выяснилось: им предстояло учиться дальше в училище по подготовке командиров штабной службы ВМФ (УПКШС). Они вскоре поняли, что такое сугубо «тыловое» название является лишь прикрытием их истинной деятельности. В ту пору еще не существовало военно-дипломатической академии, и УПКШС стало своего рода прообразом этого учебного заведения. Правда, программу обучения, крайне напряженную и сложную, пришлось уложить в несколько месяцев.

К пятерке лейтенантов-«черноморцев» присоединили шесть выпускников Высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе из Ленинграда и группу девушек-студенток из языковых вузов.

За время обучения большинство из них вышли замуж за своих сокурсников и уехали вместе с мужьями за рубеж.

Училище штабных работников располагалось под Москвой в лесу, скрытое от посторонних глаз. С приближением линии фронта к столице было принято решение эвакуировать его в Ульяновск.

После окончания училища лейтенант Ивлиев получил приказ: убыть в Лондон в состав аппарата военно-морского атташе и советской военной миссии. Он добрался до Архангельска, а оттуда, на борту эсминца «Онслот», – до берегов Великобритании.

Присягаю флоту

22 июня 1941 года, в день нападения фашистской Германии на Советский Союз, Уинстон Черчилль выступал по радио.

«Опасность, угрожающая России, – сказал он, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам... Сдвоим свои усилия и будем бороться сообща... Мы окажем России и русскому народу всю помощь, которую только сможем».

Через пять дней, 27 июня, в Москву прибыла английская делегация. Ее возглавлял посол С. Крипс. Он был принят наркомом иностранных дел В. Молотовым. В ходе их беседы и прозвучало предложение обменяться миссиями, которые взяли бы на себя координацию военного сотрудничества между странами.

В июле 1941 года в Москве было подписано соглашение о совместных действиях правительства СССР и Великобритании в войне против Германии, которое и положило начало работе военных миссий – советской в Лондоне и английской – в Москве.

Союзные миссии координировали организацию военных поставок, а также оказывали содействие британским морякам в проводке конвоев с грузами из Англии в советские северные порты. Кроме этого на миссию в Лондоне была возложена еще одна, крайне важная и ответственная задача – побуждать союзников к скорейшему открытию второго фронта в Европе.

Следует подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Не все в Великобритании были сторонниками военно-экономической помощи Советскому Союзу, и поэтому здесь возникало немало проблем: были задержки с отправкой конвоев, недогруженность судов, поставки некачественной военной техники и оружия.

Поэтому для контроля за соблюдением договоров в английские порты и командировали советских морских офицеров. Их направляли в Эдинбург, в Ньюкасл, в Глазго. А лейтенанту Ивлиеву приказали убыть в портовый город Халле (более известный в Советском Союзе как Гульль).

Что ж, одно дело работать в Лондоне, когда рядом с тобой сослуживцы, руководство, а иное – в отрыве от всех.

«Здесь в Халле, на чужой земле, – вспоминал Ивлиев, – я оказался в положении боксера на ринге один на один со своими проблемами, без “тренера” и даже без “болельщиков” в лице моих соотечественников. Но я всегда считал и настраивался на то, что “и один в поле воин”».

Конечно же, слабым местом в подготовке Николая было отсутствие разговорной практики. Правда, англичане позаботились о переводчице и прислали из Адмиралтейства младшего лейтенанта Розу.

Ивлиев постарался как можно быстрее избавиться от нее. Он прекрасно понимал, что Роза не столько переводчик, сколько соглядатай.

Во время перехода на «Онслоте» Ивлиев познакомился с помощником английского военно-морского атташе в Москве Кортнеем. Офицер возвращался на родину из командировки. Николай удивил тот факт, что англичанин говорил по-русски практически без акцента. На вопрос, где Кортней так здорово изучил язык, помощник военного атташе признался: перед командировкой в Советский Союз его направили в Швецию с единственной целью – найти русскую семью, внедриться в нее и освоить язык. Что и было сделано.

Методология языковой практики тут достаточно проста. Все дело в непрерывном общении с местными жителями, а не от случая к случаю, как это происходит, когда офицер выходит за ворота посольства. Но в данном случае сама жизнь помогла найти подобный вариант. Ведь лейтенант Ивлиев оказался в Халле единственным.

Правда, внедриться в английскую семью сразу не получилось. Сначала он жил в гостинице в центре города. Но когда все окружающие дома были разбомблены немецкой авиацией, перешел в пансионат. Однако в нем квартировали такие же, как и он, иностранцы. Но Николай не уставал искать более подходящий вариант и, наконец, нашел в окрестностях города квартиру с английской семьей, которая и приняла его.

Первые несколько недель проживания показали, что дело не только в освоении языка, но и в знакомстве с бытом и нравами англичан. Николай жил, как все местные. Получал продуктовые карточки, хозяйка готовила завтрак и ужин. Личным транспортом был велосипед. Об автомобиле тогда и мечтать не приходилось.

Участвовал он и во всех семейных мероприятиях: пикниках в выходные дни, праздновании дней рождения, совместных выходах в театр. Кстати, по настоянию «новой семьи» он впервые в жизни отметил и свой день рождения.

В одном доме с Ивлиевым снимали комнаты двое холостяков – шотландец Джимми, инженер по профессии, и англичанин Дон, лейтенант из штаба английских военно-морских сил. Он был постарше, а Джимми того же возраста, что и Николай. Они вскоре подружились.

Местные жители нередко приглашали советского офицера в английские клубы: от фешенебельных, для именитых мужей города, до обычных «пабов», где собирался трудовой люд, пропустить по кружечке пива, после рабочего дня.

Хозяйка квартиры миссис Ханна относилась к Николаю тепло, по-матерински. Порою, как любящая мать, ворчала и выговаривала за излишние, на ее взгляд, хозяйственные траты. Особенно когда он отказывался надевать штопаные-перештопаные носки, хозяйка грозилась пожаловаться на него Сталину за чрезмерное «расточительство».

Такие же добрые чувства питали к Ивлиеву и другие англичане. Как-то рано утром в спальню к нему постучала хозяйка.

– Ники! – сказала он взволнованным голосом. – Выгляните в окно на улицу!

Каково же было удивление, когда лейтенант увидел припаркованные у дома машины. Это английские знакомые приехали поздравить его с победой Красной армии под Сталинградом. Признаться, это было трогательно до слез.

Британцы в те нелегкие годы открывали для себя Россию, «загадочных русских». Было немало странностей и нелепец. Как-то Ивлиева позвал к себе местный начальник главпочтамта. Его мать-старушка при первом знакомстве попросила Николая подойти поближе и неожиданно стала ощупывать его голову. «Она ищет рога, – усмехнулся главный почтовик, – ведь вы приехали из коммунистической страны».

Ладно старушка, а то ведь девушки из вспомогательного корпуса английских военно-морских сил за утренним чаем вполне серьезно спрашивали Ивлиева, правда ли, что в Советском Союзе, когда рождается ребенок, ему, как жеребенку в табуне, ставят «тавро», дабы не перепутать с другими детьми. Оказывается, подобные страшилки распространяли антисоветски настроенные поляки из корпуса Андерса.

Так что наряду с основной работой приходилось бороться и с такими, несомненно, вредными мифами.

Что же касается непосредственных обязанностей, то они были весьма разноплановыми. Приходилось контролировать ремонт и вооружение советских коммерческих судов, которые производили союзники, участвовать в предварительной приемке английских боевых кораблей, заниматься обеспечением захода в порты наших судов. Ивлиев нередко выезжал в Исландию для организации текущего ремонта малых кораблей, построенных в США для Советского Союза.

Много работал с документами, переводил инструкции по эксплуатации артиллерийских установок, адаптировал их под наши правила управления огнем.

Начальник советской военной миссии в Лондоне контр-адмирал Николай Харламов в своей книге «Трудная миссия» дает такую оценку его деятельности.

«Помнится, осенью 1944 года в бухту Кефлавик (Исландия) зашел отряд больших охотников (БО), нуждающихся в ремонте. Для обеспечения ремонта я направил туда лейтенанта Н.В. Ивлиева, офицера конвойной службы в английской военно-морской базе Халл (Гулль). Николай Васильевич принял все меры, а дней через десять “БО” снова были в строю. Затем на английском фрегате лейтенант сопровождал их до Мурманска. Кстати, Ивлиев нередко выходил в море в составе союзных конвоев. Его можно было встретить на борту и канадского эсминца “Хайда” и английского сторожевого корабля “Сигал”».

Кстати, тот поход в Мурманск, о котором вспоминает адмирал Харламов, надолго запомнился не только самому Ивлиеву, но и офицерам и матросам английского фрегата «Сигал». Дело в том, что большие охотники, построенные по ленд-лизу в США, хоть и носили столь грозное название, но на самом деле были малыми кораблями для действия в прибрежной зоне.

Приняв суда в США, советские моряки решили идти домой своим ходом. Американцы пытались всячески отговорить коллег от столь опасного плавания. Один из американских адмиралов так и заявил: *«Только железные люди способны идти осенью через океан на таких утлых, к тому же деревянных суденышках».*

Однако они дошли до Исландии, провели ремонт и двинулись дальше, к северным берегам Советского Союза. Сопровождал охотников единственный боевой корабль – фрегат «Сигал». На его борту и находился лейтенант Ивлиев.

«Мы вышли из бухты Кефлавик, – рассказывал Николай Васильевич, – что на западном побережье Исландии, огибая остров с юга. Шли в шторм, среди минных полей, выставленных союзниками по фарватеру шириной всего в одну милю. Обстановка усугублялась наличием дрейфующих мин, сорванных с якорей. Днем подсвеченные мины видны издали и их можно уничтожить. Ночью же, при нулевой видимости и при полном затемнении кораблей, эти рогатые “монстры” возникали вдруг у самого борта, и тут уж приходилось полагаться на судьбу. Малейшее прикосновение и маленький катер вместе с экипажем разнесет в щепки».

Николай Ивлиев во время этого многодневного, тяжелого перехода почти непрерывно нес вахту у экрана локатора, тревожно наблюдая, все ли корабли в строю, нет ли отставших.

Войдя в советские территориальные воды и передав отряд охотников под охрану кораблей Северного флота, фрегат «Сигал» развернулся и отправился в обратный путь. Лейтенант Ивлиев передал экипажам охотников прощальный семафор с поздравлениями по поводу окончания героического перехода Исландия – Мурманск. Сам же Николай Васильевич, не ступив даже на родную землю, возвращался к месту своей службы в Великобританию.

...Шторм не прекращался. Море свирепствовало. Была нелетная погода, но неожиданно на фрегат поступило сообщение с другого судна: советский самолет, сопровождавший английские корабли, упал в воду. Летчик остался на плаву. Не медля ни секунды, Ивлиев обратился к капитану «Сигала» и попросил разрешения воспользоваться сигнальным фонарем Ратьера для передачи сообщения на советский эсминец, идущий следом. Английским морякам было непривычно видеть офицера в роли сигнальщика. Но тут уж не до церемоний.

Приняв сигнал, эсминец на глазах удивленных британцев развернулся и форсированным ходом направился к месту падения самолета.

Вечером в кают-компании командир фрегата зачитал телеграмму: советское командование благодарило английских моряков за участие в спасении пилота. В свою очередь, капитан произнес тост в честь *«разносторонней подготовки офицеров русской морской школы».*

Однако повоевать Ивлиеву пришлось не только на море, но и на суше. Группа офицеров, в состав которой входил и Николай Васильевич, в июне 1944 года, вслед за высадкой десанта в Нормандии, также сошли на берег. Они, правда, в боевых действиях не участвовали, ибо у них была другая задача – изучить только что захваченные немецкие военные укрепления так называемого «Атлантического вала». Правда, по дороге в Лилль ночью они сбились с пути и едва не заехали на территорию немецкого штаба. Помог им француз, который рассказал о немцах и спас советских офицеров от явного пленения.

Счастливо закончился и его последний военный переход из Ньюкасла в Мурманск. Дело в том, что небольшой группе наших офицеров было поручено препроводить в Советский Союз на двух английских транспортах десять тысяч репатриированных советских граждан.

На головном транспорте этими многочисленными и весьма непростыми пассажирами руководили три офицера – Борисенко, Иванов и он, Ивлиев. Большинство репатриированных, пройдя ужас фашистских концлагерей, подневольный труд, издевательства и унижения, хотели на родину. Однако среди них оказались и предатели, те, кто воевал на стороне фашистов. Они понимали, что их ждет на советской земле, и готовили бунт. Собирались перебить офицеров, взять в заложники экипажи судов и приказать следовать им в один из портов, еще захваченных немцами.

Выручила Ивлиева и его сослуживцев девушка-разведчица. В одном из рейдов в тыл врага ее схватили фашисты и бросили в тюрьму. Она чудом выжила и запомнила тюремщика, по национальности русского, который издевался над заключенными и лично расстреливал их. Теперь она столкнулась с этим фашистским прислужником на судне и подслушала разговор о готовящемся бунте.

Схватить предателя было несложно, вот только разведчица знала его в лицо, а не по фамилии. Пришлось устроить медицинский осмотр пассажиров. Девушка сыграла роль медсестры. Так предатель был арестован, и инцидент, который мог иметь трагические последствия, исчерпан.

«По окончании рейса, – рассказывал Ивлиев, – все десять тысяч репатриированных были выстроены на пирсе мурманского порта. Вдруг из строя вывернулся немолодой уже человек, сорвал с себя кепчонку, отвесил по русскому обычаю поклон, опустил на колени, поцеловал землю и во весь голос, навзрыд, со слезами на глазах произнес: “Здравствуй, русская земля!”»

На дворе стоял апрель 1945 года.

Долг превыше всего

В Москву Николай Ивлиев прибыл 1 мая 1945 года. Столица встретила его по-праздничному украшенная флагами, транспарантами. Было уже достаточно тепло и солнечно. На Севере в это время еще стояли холода, и он ступил на столичный перрон в зимней форме одежды. Прохожие, как казалось ему, с удивлением смотрели на тепло одетого моряка.

Но главное событие в его жизни случилось, конечно же, в день Великой Победы 9 мая, который он встретил с ликующими москвичами на Красной площади. Николай не без основания считал себя причастным к этой победе. Ведь он не только работал на берегу, но и участвовал в северных конвоях, ходил на кораблях, вступавших в морские сражения. В Великобритании за такие походы офицеры и матросы удостоивались высоких наград, а Ивлиева на родине даже не признали участником Великой Отечественной войны. Только через 44 года, в 1989 году, справедливость восторжествует и Николаю Васильевичу наконец вручат удостоверение фронтовика.

Впрочем, это будет потом, а в цветущем победном мае сорок пятого Ивлиев ни о чем подобном не думал, он просто был счастлив. Беспокоился, правда, за свою судьбу, прекрасно понимая, что очередной этап в жизни пройден. Однако долго волноваться не пришлось. Руководство оставило его в Центре, как говорят разведчики. Ивлиев получил назначение на должность офицера Главного разведуправления Главного морского штаба ВМФ.

«Это назначение, – признается Николай Васильевич, – я рассматривал, как положительную оценку моей первой зарубежной командировки. С другой стороны – понимал, что командование возлагало надежды на мою будущую деятельность.»

Работа в Центре оказалась для меня интересной и очень полезной. Подобно опытному врачу-рентгенологу, сотруднику центрального аппарата разведки следует научиться видеть, чувствовать и, если хотите, предугадывать ошибки в работе офицеров на местах. Но и этого мало. Надо иметь свое видение путей предупреждения провалов и исправления ошибок. В этом ценность опыта работы в Центре».

А началась работа почти с мистического случая. Был выходной день. Ивлиев находился на дежурстве по Главному управлению, когда к нему доставили симпатичного молодого человека.

Прибыл он с Севера в сопровождении двух офицеров. В документах было сказано: «для дальнейшего прохождения службы». Фамилия доставленного – Александр Романов – ничего не говорила Ивлиеву. Однако каково же было изумление Николая, когда на руке этого самого неизвестного Романова он увидел такие знакомые и милые его сердцу золотые часы «Омега»! Возможно, он и засомневался бы: мало ли подобных, хотя и весьма редких часов бродит по миру, если бы не характерная царапина на одной из граней корпуса.

Дело в том, что это были его часы. Николай приобрел их в Исландии. В Британии в ту пору часы этой всемирно известной фирмы почему-то не продавались. «Омега» нравилась Ивлиеву и он дорожил покупкой, но однажды в Халле на дороге поскользнулся и его велосипед врезался в дерево. Все обошлось небольшим ушибом, но корпус часов немного пострадал.

А вскоре начальник Ивлиева по военно-морскому аппарату Иван Агафонов попросил уступить ему «Омегу» по «служебной надобности». Николай уступил.

Правда, часами дело не закончилось. Ивлиеву было поручено выполнить несколько заданий – добыть полный комплект документов на погибшего матроса, а позже устроить по этим документам неизвестного молодого человека на одно из иностранных коммерческих судов. С этими задачами Николай успешно справился. А теперь перед ним стоял тот самый

«неизвестный», ради которого он так старался. Интересный поворот судьбы, ничего не скажешь.

Кроме своих непосредственных обязанностей офицера разведуправления Ивлиеву приходилось выполнять сугубо специфические поручения. А поскольку в коллективе он считался специалистом по Великобритании и прекрасно владел английским языком, всякий раз, когда Главный штаб ВМФ посещали высокие гости из Лондона, его привлекали в качестве гида-переводчика.

Так, в 1946 году по приглашению главкома ВМФ Николая Кузнецова в Советский Союз прибыл командующий флотом Великобритании адмирал Фрезер. Ивлиев был знаком с адмиралом. Они познакомились в 1944 году в Лондоне, когда Фрезеру вручали орден в советском посольстве. Теперь на правах старого знакомого ему предстояло обеспечивать визит британского адмирала.

Фрезер, несмотря на свой солидный возраст, был человеком энергичным, с тонким чувством юмора.

«Узнав от меня, – вспоминал Ивлиев, – что по программе визита в его честь в Ленинграде на пирсе будет выстроен почетный караул, он изъявил желание приветствовать моряков непременно по-русски. Я сказал, что буду подсказывать ему нужные фразы, но адмирал все время нашептывал слова, стараясь заучить наизусть.

Выйдя на пирс и приняв рапорт от начальника корпуса, поравнявшись с оркестром, он приветствовал их на ломаном русском:

– Ждрасте, мужиканты!

Дойдя до строя матросов, несмотря на мою подсказку: “Здравствуйте, матросы!”, он повторил засевиую в мозгу фразу:

– Ждрасте, мужиканты!

Довольный дружным матросским ответом, повернувшись ко мне, он озорно спросил:

– Нельзя ли повторить эту процедуру еще раз?»

Чтобы добраться из Ленинграда в Москву, адмирал Кузнецов предоставил английской военно-морской делегации свой спепоезд.

Утром, встретившись с советским главкомом, Фрезер поблагодарил за великолепный поезд и лукаво заметил:

– В пути мы всю ночь играли с Ивлиевым в карты. Ставкой был ваш поезд.

Кузнецов принял шутку и широко улыбнулся. А Фрезер сделал скорбное лицо:

– Жаль, но Ивлиев к утру поезд отыграл.

Однако не все английские высокие гости бывали столь доброжелательны и легки в общении.

Примерно год спустя в Севастополе с визитом вежливости прибыла английская средиземноморская эскадра в составе крейсера «Ливерпуль» и двух эсминцев, во главе с адмиралом Уиллисом. Ивлиев был командирован на Черное море.

Визит проходил по плану. Прошло много совместных мероприятий, и вот однажды по дороге в Ялту, адмирал Уиллис неожиданно предложил заехать в Балаклаву. Как он выразился, «осмотреть памятные места, связанные с Крымской компанией 1854 года».

Как отказать такому высокому гостю? Но Балаклава – это закрытый для посещения иностранцами город, а с другой стороны – англичане в той самой войне выступали как враги и агрессоры.

Пришлось проявить дипломатическую хитрость, объяснить адмиралу, что его уже ждут на обеде, и, если останется время, они заглянут в Балаклаву на обратном пути.

Но после дружеского обеда все отправились к морю, а машины уехали на заправку, и, к сожалению, «по техническим причинам» задержались. Когда они прибыли, надо было следовать в Севастополь и времени для осмотра Балаклавы не оставалось.

Однако, как говорят, не службой единой жив человек. В 1951 году Николай Ивлиев познакомился с балериной, солисткой таджикского театра оперы и балета им. Айни Ириной Дмитриевой. Вскоре они сыграли свадьбу.

В это время на английском участке разведуправления подбирали кандидата для поездки в командировку в Лондон на должность помощника военно-морского атташе. Предложили поехать Ивлиеву. Откровенно говоря, Николаю Васильевичу не хотелось второй раз ехать в Великобританию. Но, как говорят, долг превыше всего.

Снова туманный Альбион

С тех пор как Николай Ивлиев в 1945 году покинул гостеприимную Англию, прошло семь лет. Теперь она уже не была такой гостеприимной. Отношение к русским в Туманном Альбионе оказалось весьма прохладным. И это Николай Васильевич вместе с супругой Ириной почувствовали сразу.

Прибыв в Лондон, первым делом они занялись поиском жилья. Поначалу постарались найти квартиру по объявлениям в газетах. Но всякий раз, когда переговоры с хозяевами подходили к благополучному завершению, те, естественно, интересовались, откуда приехали будущие жильцы, и, получив ответ, тут же находили наспех придуманный предлог для отказа. Многократные попытки заканчивались неудачей. Жена Ивлиева даже расплакалась от обиды за такое недружественное отношение англичан к советским людям. Николай, как мог, успокаивал ее, хотя и сам был не менее расстроен: куда делась теплота и благодарность британцев. Еще бы, теперь они не боялись Гитлера. А Уинстон Черчилль вновь стал самим собой, сбросил маску миротворца и, как прежде, ненавидел Советский Союз. Его фултонская речь, по сути, и дала отсчет «холодной войне».

После долгих поисков супруги Ивлиевы наконец сняли квартиру через жилищное агентство. Правда, не обошлось и без курьезов.

Приехав к хозяину и осмотрев жилище, Николай вместе с водителем военно-морского атташе Александром Карихом решили согласиться на предложенный вариант. Переговоры, естественно, шли на английском языке. Однако Карих, недовольный старой мебелью, неожиданно употребил крепкое русское непечатное выражение. Хозяина словно ужалили, он вздрогнул и торопливо признался: «Я тоже русский!»

Фамилия «русского хозяина» была Шенкман. Он покинул Советскую Россию в 1924 году.

Как ни странно, но крепкое словцо возымело свое положительное действие. Шенкман сдал квартиру на более выгодных для Ивлиевых условиях. К тому же обещал заменить мебель на новую. И слово свое сдержал.

Позже Николай Васильевич и его жена познакомились с Шенкманами поближе и установили с ними дружеские отношения.

«Сетуя на свою судьбу, – рассказывал Ивлиев, – Шенкман с большим сожалением говорил мне о непростительной ошибке молодости, когда он сгоряча, обидевшись на требование об отзыве из Англии досрочно, перед самым окончанием института, отказался вернуться на родину.

Он очень скучал по России. Все стеллажи в его квартире были заняты книгами русских и советских писателей. Шенкман до самозабвения любил поэзию Твардовского, особенно поэму “Василий Теркин”».

Когда проблема с квартирой оказалась решенной, Ивлиев с головой окунулся в работу. Тут были свои немалые трудности, которые, впрочем, создал сам Центр. На ответственную должность военно-морского атташе в Лондоне назначили капитана 1-го ранга Николая Елисеенко, человека в разведке, в общем-то, случайного. Язык он знал плохо, опыта разведывательной и дипломатической работы не имел вовсе. Таким образом, руководство ГРУ решило влить «свежую кровь», призвав в разведку строевых офицеров из армии и флота. Однако эксперимент не удался. После первой же спецкомандировки за рубеж они были возвращены в свои части и на корабли. Правда, и там к ним не проявили особого интереса.

К счастью, оперативную деятельность в Великобритании возглавляли настоящие профессионалы. По приезде Николай Васильевич в должности резидента застал еще гене-

рал-майора Бориса Разина. Борис Георгиевич в разведке был человеком известным и уважаемым. Бывший военный атташе и руководитель разведаппарата в Иране в период войны и после нее. Это под его руководством резидентура Разведывательного управления эффективно действовала накануне и в период проведения Тегеранской конференции, а Разин лично докладывал Сталину об оперативной обстановке в стране.

Бориса Разина на посту резидента ГРУ сменил генерал-майор Александр Рогов – опытный разведчик, начальник разведотделов Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов, будущий заместитель начальника ГРУ. Ивлиев стал заместителем руководителя разведаппарата.

«С Роговым, – признавался Николай Васильевич, – сложились хорошие деловые отношения. Резидент поручал мне проведение весьма сложных и опасных операций.

Так, мне пришлось заменить нашего сотрудника Бабича в достаточно рискованной операции. Ему грозил провал, и Центр срочно отозвал офицера на Родину.

Генерал Рогов привлекал меня также к проведению практических “вывозов” в город молодых сотрудников, обучению их живому общению с местными жителями, организации разведпоездок по стране. Что ж, разведчик должен многое знать и уметь. И тут нет мелочей».

Кстати, о разведпоездках. Их было достаточно много. А тут, как считает Ивлиев, самое важное – взаимоотношения с контрразведчиками, которые, как правило, сопровождают сотрудников аппарата военных атташе. Именно от них зависит успех, а зачастую и личная безопасность наших офицеров.

Понятно, что советские разведчики старались вести себя вполне естественно, дабы не вызывать излишних подозрений. А вот как и чем это достигается, рецептов нет и быть не может. Этому не научишь в академии, не заложишь в наставления и учебные пособия. Тут многое зависит от индивидуальных качеств каждого сотрудника, его обаяния, умения поладить со своим оппонентом.

По существующему положению, военные дипломаты извещали местные власти о каждой своей поездке, сообщая маршруты следования, нумерацию дорог, гостиницы, где предстояло остановиться, а также дату возвращения.

Офицеры, как правило, старались придерживаться заявленного маршрута, разве что иногда сбивались с дороги «из-за плохой видимости» или «отсутствия маркировки дорог».

«Когда нас останавливали в пути с целью проверки, – вспоминает Николай Ивлиев, – то после обмена “верительными грамотами” мы предлагали нашим “контролерам” продолжить беседу в более комфортных условиях: в гостинице или на природе, в каком-либо живописном месте. Вне города мы даже сфотографировались с контрразведчиками, с их согласия, разумеется. Эту функцию, чаще всего, исполняли наши жены, если они следовали с нами. Тогда это выглядело более естественно и убедительно. Кстати, основываясь на собственном опыте скажу, что участие и значимость жен в оперативной работе далеко не дооценены. А жаль».

В этих, как шутили сами разведчики, «турпоездках» было всякое. Как-то в Шотландии, недалеко от Глазго, Ивлиева и его спутников остановили «проверяющие». Они оказались старыми знакомыми по прошлым поездкам. Растроганные теплым приемом, «контрики» пообещали, что на следующий день оставят их в покое, и пожелали приятного отдыха.

В Северную Ирландию на военную базу в Лондондерри наши разведчики приехали к открытию авиационной выставки. Разместились в гостинице, потом спустились поужинать в ресторан. Хозяин этого провинциального отеля, узнав, что у него остановились русские, тепло приветствовал гостей и, к их немалому удивлению, закрыл ресторан раньше срока, дабы создать лучшие условия для отдыха.

Узнав о цели поездки русских, он предупредил их, что выставка перенесена на неделю позже. Искреннее разочарование гостей растрогало хозяина, и он пообещал собрать открытые материалы по выставке и выслать их в Лондон. Что и сделал.

А сотрудники аппарата атташе продолжили свой путь по стране. В небольшом городке Newzy, недалеко от границы с Ирландией, остановились на ночлег в гостинице. Вскоре к ним спустился владелец отеля и, указывая на окно бара, который располагался через улицу, сказал: «Там за столиком сидят два джентльмена. Это агенты английских спецслужб. Они следят за вами. Если вы не возражаете, мы отобьем у них охоту к слежке...»

Признаться, услышать такое было неожиданно, и в то же время очень приятно. Однако советские офицеры убедительно попросили хозяина не делать этого, ссылаясь на то, что агенты, скорее всего, действуют в интересах их безопасности.

Работа в Великобритании еще раз подтвердила старое доброе и неизбывное правило: знание языка страны пребывания – огромная и во многом решающая сила в руках разведчика.

Как-то Ивлиеву поручили позвонить по телефону и выяснить место проживания одного из англичан, который представлял для резидентуры определенный интерес. Николай Васильевич отрепетировал несколько фраз, чтобы не выдать себя русским акцентом. Ему казалось, что теперь он произносит заученные слова не хуже коренного англичанина. Однако когда в ответ на свой вопрос он услышал, казалось бы, обычную фразу «He is not with us» («Он не с нами»), то перевел ее как «Он сменил место работы».

«На мои настойчивые домогательства о местонахождении этого человека, – вспоминал с улыбкой Николай Ивлиев, – я неизменно слышал один и тот же ответ. Наконец мне удалось вывести собеседника на другом конце провода из терпения, и тот буквально рявкнул в трубку: “Я вам несколько раз сказал, что джентльмен мертв”. Мне ничего не оставалось, как поскорее ретироваться из уличной телефонной будки во избежание неприятной встречи с полицейскими. Только теперь я вспомнил, ведь мы тоже в подобных случаях говорим: “Он покинул нас”. Но в тот напряженный момент такого ответа не ожидал и, откровенно говоря, сплеховал».

Чужой язык таков, что с ним всегда можно попасть впросак. Однажды Ивлиев стал свидетелем языкового провала своего коллеги. На приеме в советском посольстве Николай Васильевич стоял с английскими девушками из женского вспомогательного корпуса военноморских сил. Было весело, все смеялись, шутили. Вдруг к ним решительно подошел советский офицер и игриво предложил дамам выпить по бокалу вина по-русски до дна. Но вместо фразы «Bottoms up!» он произнес: «Up the bottom!»

Девушки дружно рассмеялись, а одна из них шаловливо спросила: «You mean that?» («Вы имеете в виду это?») и кокетливо приподняла свою юбочку вверх. Незадачливому шутнику ничего не оставалось, как поддержать озорное настроение дам и согласиться: «Yes, yes!» Это еще больше развеселило компанию. Бедолага и не предполагал, что в строевом уставе женского корпуса вспомогательных сил есть команда «Up the bottom», ничего общего с принятием вина не имеющая. Она означает рекомендацию приподнять форменные юбочки, пересекая водоем, дабы не замочить их.

Можно сказать, что именно на этот период пребывания за рубежом приходится расцвет оперативной деятельности Ивлиева. Ему удалось завербовать агента, как он сам отмечает, «обладающего фантастическими возможностями». Бывший высокопоставленный сотрудник британской разведки сохранил крепкие дружеские отношения со своими коллегами, и это дало ему возможность добывать документы государственной важности.

Материалы, добытые агентом Ивлиева, докладывались не только начальнику Генерального штаба и министру обороны СССР, но и руководству страны.

«Представьте себе, – вспоминает Николай Васильевич, – проводится секретное заседание высших чинов НАТО. Обсуждается вопрос: где разместить ракеты с ядерными боеголовками в Европе, направленные против Советского Союза. Речь, разумеется, идет о конкретных районах развертывания.

Через несколько дней материалы заседания уже у меня. Вместе с копией карты этих районов. Доклад из резидентуры уходит в Центр. Оценка самая высокая.

Резидента для доклада вызывают в Москву. А возвращается он оттуда уже генерал-лейтенантом. Конечно, в этом заслуга успешной работы всей резидентуры, но после возвращения Александр Семенович Рогов отмечает, что вторая звезда на его погонах появилась благодаря и моему участию. А также сообщает: принято решение наградить меня орденом Красного Знамени».

Были и другие ценные материалы, добытые агентом. Например, расшифровка переговоров первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева с руководителями Польши, Индии во время его официальных визитов в эти страны. Словом, английские разведчики тоже не ели хлеб даром. Однако в данном случае важно то, что мы знали о результатах их работы.

Кроме основной, оперативной деятельности приходилось заниматься и сугубо представительскими обязанностями, как помощнику военно-морского атташе. Ведь в период пребывания Ивлиева во второй командировке в Великобританию произошло много важных событий. И к ним в той или иной мере оказались причастными советское посольство и аппараты военных атташе. Однако основным, можно сказать историческим, событием стала коронация королевы Елизаветы II в 1953 году.

Для участия в параде по такому торжественному случаю Британия пригласила от каждой морской державы по одному кораблю. От Советского Союза на Спитхейдский рейд прибыл новейший советский крейсер «Свердлов» под командованием капитана 1-го ранга Олимпия Рудакова.

Экипаж крейсера блеснул высокой боевой выучкой и стал настоящей сенсацией для англичан. Так хозяева определили каждому кораблю, прибывающему на коронацию, свое место стоянки на открытом рейде. Место это обозначалось специальным буйком. Однако накануне прибытия нашего крейсера буйка не оказалось, и тогда Рудаков принял весьма смелое решение: основываясь на точных расчетах штурмана, отдал якорь у всех на виду. Расчеты оказались безукоризненно точны, о чем английская пресса раструбила на весь мир.

Первые сообщения и фотографии в газетах советского крейсера привлекли к нему внимание хозяев. Вокруг корабля теперь с утра до позднего вечера кружили экскурсионные яхты и лодки.

Николаю Ивлиеву было поручено обеспечение мероприятий, связанных с пребыванием моряков крейсера «Свердлов» в военно-морской базе Портсмут, а также поддержание связей с городскими властями.

Задолго до коронации сотрудники аппарата военно-морского атташе направили в английские газеты, журналы, на радио приглашения на посещение корабля. Откликнулось немногим более десятка второстепенных СМИ. Погрязшая в антисоветской истерии «холодной войны» британская пресса, по сути, проигнорировала приглашение.

Но теперь, когда восхищение советским крейсером достигло своего апогея, огромная толпа журналистов заполнила пирс. Все желали попасть на «Свердлов». Они окружили Ивлиева плотным кольцом, кричали, угрожали, требовали переправить на корабль.

Николай Васильевич поступил вполне дипломатично, он забрал с собой десяток аккредитованных корреспондентов, остальных призвал запастись терпением. Катер отчалил, а поборники «холодной войны» остались на берегу. Что ж, впредь им предметный урок.

Визит крейсера «Свердлов» был не единственным. В Великобританию заходили отряды кораблей под командованием адмиралов Василия Котова, Арсения Головки. Побывала в Англии и советская партийно-правительственная делегация во главе с Никитой Хрущевым и Николаем Булганиным.

Обеспечение таких визитов – дело трудоемкое и ответственное для всего посольства, и, конечно же, в первую очередь, для аппарата военно-морского атташе. Надо согласовать с английской стороной программу пребывания, порядок обмена салютами наций, визиты должностным лицам, меры безопасности стоянки кораблей, заканчивая порядком выхода судов из базы по окончании мероприятий.

Кстати, тогда же, в период стоянки советских кораблей у пирса в Портсмуте, произошел неприятный инцидент с неизвестным водолазом, которого заметил вахтенный одного из эсминцев. Это доставило немало хлопот – английским портовым властям был заявлен протест и решимость спустить водолазов для обследования днища кораблей. Хотя в обычной обстановке по международным правилам это было запрещено. Англичане возражали, однако наши водолазы провели осмотр подводной части кораблей, но ничего угрожающего не обнаружили.

Однако вопросы к британским властям остались, особенно в связи с гибелью героя войны, подводного пловца Крэбба, тело которого было выброшено на берег.

Как известно, на обращение советской стороны британская разведка категорически отказалась от причастности к этому происшествию. Правда, много лет спустя в американской мемуарной литературе эта спецоперация была подробно описана и признана провальной.

Случались и другие инциденты. Известная антисоветская организация «Народно-трудовой союз» (НТС) в период пребывания нашей партийно-правительственной делегации со всех концов света прислала своих представителей для «проведения мероприятий» среди советских моряков. Увы, НТСовцы не имели успеха.

«Лично, находясь среди моряков, – говорил Ивлиев, – оказывался невольным свидетелем того, как наши ребята в подавляющем большинстве случаев ставили в глупое положение незадачливых “пропагандистов”, давно оторванных от советской действительности».

...Вторая зарубежная командировка Николая Ивлиева длилась пять с половиной лет. Из Великобритании домой он возвратился в 1958 году. Казалось бы, все обстояло наилучшим образом. Руководитель разведаппарата генерал Александр Рогов был доволен. Он дал хорошую оценку его работе. Где-то в папках управления кадров ждало своего часа представление на орден. Однако все изменилось в одночасье. Там, в Лондоне, произошло ЧП, которое, словно извержение вулкана, вызвало волну незаслуженных обвинений, объявление персоной нон грата, отзывов из-за границы и, откровенно говоря, отравляло жизнь и службу Ивлиева еще не один год.

Жизненная школа

Капитан 2-го ранга Николай Ивлиев прибыл по вызову генерал-полковника Хаджи-Умара Джиоровича Мамсурова ровно в назначенный час. Прежде с Мамсуровым он никогда не встречался, но много слышал о нем. Участник испанских событий, легендарный диверсант майор Ксанти, командир дивизии во время Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, а сегодня первый заместитель начальника Главного разведывательного управления.

Судя по всему, беседа с генерал-полковником не предвещала ничего хорошего. Впрочем, он уже наслушался такого, чего прежде и в самом страшном сне не приснилось бы.

Николай Васильевич в который раз возвращался к тому ЧП и не находил ответа. Конечно, будь он сейчас в Лондоне, спросил бы у агента, ну почему тот, опытный, старый разведчик нарушил все правила конспирации, о которых Ивлиев постоянно ему напоминал. Да что там напоминания, агент и сам все прекрасно знал. Тем не менее приперся в аппарат военных атташе. И, конечно же, попал в поле зрения контрразведки. Оказывается, искал его, хотя Николай предупреждал, что уезжает на Родину, и более того, передал агента на связь своему коллеге Василию Березному.

В аппарате атташе его встретил дежурный Андрей Грозный, который и не подозревал о существовании этого агента. Он ответил, что Ивлиев убыл в Советский Союз. На этом, собственно, их общение и закончилось. Однако для Андрея оно имело роковые последствия. Как стало известно позже, в контрразведке агент выдал версию, которую с ним неоднократно отработывал Ивлиев: если арестуют, говори, мол, что брал у меня уроки русского языка. Так, собственно, и сказал. «Контрики», естественно, не поверили, но доказательств вины у них не было.

Показали фото офицеров атташата: «С кем говорил?» Агент ткнул в фотографию Грозного. Того объявили персоной нон грата и выслали из страны. Вдогонку получил нон грата и Ивлиев.

Агента отпустили. Ничего ему было предъявить. А в управлении начались разборки. Ивлиев давал объяснения большим и малым начальникам. О награде, которую обещал генерал Рогов, пришлось забыть. Тут уж, как говорят, не до жиру, быть бы живу. Порой «разбор полетов» обретал такой накал, что Николаю Васильевичу казалось: его вот-вот вышибут со службы. Впрочем, волнения начальников можно было понять: несколько лет данные особо ценного агента докладывались на самый верх, а теперь этот информатор оказался «дезинформатором». Более того, некоторые особо горячие руководители даже приклеили ему ярлык «провокатора».

Николай Васильевич не соглашался, отстаивал свою правду, но его не очень-то и слушали. Самое главное, он не мог понять, откуда берутся эти обвинения. Правду он узнает через много лет, когда снимут с должности начальника ГРУ и разжалуют генерала армии Ивана Серова.

Будучи председателем Комитета госбезопасности, Серов, видимо из зависти, подавившись нездоровому чувству межведомственного соперничества, назовет ивлиевского агента «дезинформатором». А вскоре станет заложником собственной лжи, оказавшись на посту начальника ГРУ. Он потом покаянно признается в столь гнусном поступке своему первому заместителю Мамсурову. Но это случится нескоро, а в 1958-м Серов только назначен на должность начальника военной разведки, и о его подлости не ведают ни Ивлиев, ни Мамсуров.

Кстати, со временем, когда наберет мощь наша космическая разведка, данные агента будут полностью подтверждены. НАТОвцы развернут свои ракетные комплексы именно в тех районах, на которые указывал информатор.

А пока Ивлиев сидит и ждет приема у генерал-полковника Хаджи Мамсурова. Первый заместитель проводит совещание. Томительно текут минуты. В голову лезет всякая чертовщина.

Но вот объявлен перерыв, и в приемной появляется высокий смуглый генерал с «Золотой Звездой» Героя на груди. Ивлиев представляется.

– Будем знакомиться, – Мамсуров с улыбкой протягивает руку. – Ты извини, у меня срочное совещание, но скажи одно – провокатор или нет твой информатор?

– Никак нет, – выпалил по-военному Ивлиев, собираясь привести заготовленные заранее аргументы. Но они оказались ни к чему.

– Я так же думаю! – коротко отрезал генерал. – Будь здоров!

И вновь пожал руку, показывая, что встреча окончена.

Ивлиев опешил. А Мамсуров, видя замешательство капитана 2-го ранга, оглянулся и спросил:

– Есть еще проблемы?

Спокойный и доброжелательный тон первого зама нашел шуточный отклик в душе Ивлиева:

– Какие могут быть проблемы у офицера, вернувшегося из командировки на родину, без жилья и работы?

– Считаю, что работа у тебя уже есть. С жильем у нас, правда, проблемы. Но ты езжай в отпуск, а мы тут подумаем.

Не веря в такой благополучный исход столь короткой беседы, Ивлиев тем не менее прислушался к совету старшего начальника и поехал «дикарем» на юг вместе с женой. Через две недели под горячим южным солнцем, не веря глазам своим, он читал телеграмму: «Срочно выехать в Москву для получения ордера на жилплощадь».

«Нетрудно было догадаться, – признавался Николай Васильевич, – как я был рад телеграмме, а вслед за этим и обретению уже в 40-летнем возрасте собственного угла, пусть и в “многодетной” коммунальной квартире. Тем более я прекрасно знал, что с жильем в Москве тогда, действительно, было очень трудно».

Так начался новый этап службы Ивлиева в Центре. На этот раз он продлится двенадцать лет. Николай Васильевич возглавит сначала английский, потом нью-йоркский участки. Потом будет создавать и разворачивать совершенно новое направление – африканское, позже станет заместителем начальника управления кадров Главного разведывательного управления.

«Работа в Центре, – признавался Ивлиев, – в отличие от зарубежной, имеет свои особенности. Так, в центральном аппарате сотрудник может всегда проконсультироваться с коллегами-сослуживцами, да и окончательное решение принимает начальник. Но это не освобождает самого сотрудника от ответственности за принятое решение. Ибо речь, в конечном итоге, идет о судьбах людей. И тут очень важно проявлять принципиальность и настойчивость, не путая ее с бездумным упрямством и не боясь навлечь на себя гнев начальства».

Сама жизнь и служба подтверждают верность этих слов. Пожалуй, самая жестокая расправа с работниками военной разведки состоялась после разоблачения предателя Олега Пеньковского. Десятки генералов и офицеров были уволены в запас только потому, что они вместе служили, работали, встречались, обучались или просто пересекались с предателем.

Ивлиев, будучи старшим нью-йоркского участка, не просто встречался с Пеньковским, он подбирал кандидатуру для работы в одной из международных организаций за рубежом.

Найти специалиста такого уровня оказалось непросто, и Николай Васильевич уже был готов отказаться от этой должности, но тут неожиданно вмешался сам начальник управления кадров ГРУ генерал-лейтенант Смоликов. Он настоятельно рекомендовал Ивлиеву рассмотреть кандидатуру Пеньковского. Внимательно изучив личное дело полковника, Николай Васильевич, как сам скажет позже, *«не обнаружил и следов хоть каких-то знаний или подготовки кандидата в той области, где ему предстояло работать»*.

Все это он и высказал начальству, а потом и непосредственно Пеньковскому. На что тот ответил, что якобы быстро освоит новое дело, и просил Ивлиева не вмешиваться.

Смоликов на доклад начальника участка отреагировал крайне бурно. Он попросту отчитал капитана 2-го ранга. «Ты что копаешься в кадрах? – нервно вопрошал генерал. – Не хочешь, не надо. Мы и без тебя назначим Пеньковского».

На что Ивлиев спокойно ответил, не желая вступать в конфликт со старшим по званию и должности: «Пусть это будет на чьей угодно совести, но свою подпись на представление Пеньковского я не поставлю».

А через несколько месяцев предатель оказался на скамье подсудимых и был расстрелян по приговору суда. Многие оказались уволенными, но в этом списке отсутствовала фамилия капитана 2-го ранга Николая Ивлиева.

В другой раз его вызвал к себе старший начальник и обратился с не совсем обычной просьбой: здесь, в кабинете, написать отзыв о жене офицера Демидова, который в это время находился с семьей в длительной командировке в Англии. Ивлиев хорошо знал и самого Демидова, и его супругу. Они вместе были в Лондоне в первый заезд.

Николай Васильевич отзыв написал, однако, судя по выражению лица, генералу он не понравился. Тот вытащил из стола телеграмму и протянул ее Ивлиеву. В ней говорилось о внезапном и таинственном исчезновении супруги Демидова и прозрачно намекалось на ее измену Родине.

Начальник предложил переписать отзыв, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Ивлиев отказался сделать это.

Тем временем месяцы шли. Офицера отозвали на родину, но из армии не уволили. Он сильно переживал. Немало бессонных ночей провел и Николай Васильевич. А через восемь месяцев жена Демидова добровольно явилась в советское посольство в Лондоне, рассказала, признала свою вину, умоляла отправить ее на родину. Готова была понести любое наказание.

Встречали «беглянку» в аэропорту муж и Николай Ивлиев. А вскоре авторитетная медицинская комиссия определила, что женщина страдает шизофренией с манией преследования, что, собственно, и явилось причиной ее исчезновения в Англии. Местные спецслужбы пытались использовать этот случай в политических целях, но, убедившись в бесплодности затеи, отпустили ее с миром.

После лечения супруга офицера восстановилась, они жили долго и счастливо, и были благодарны Ивлиеву за его мужественную и объективную позицию.

Еще не раз интуиция и верная оценка обстановки будет выручать Николая Васильевича. Правда, к глубокому сожалению, не всегда удавалось реализовать задуманное. Но в том не было вины Ивлиева. Впрочем, он так не считал.

Взять хотя бы историю Игоря Мелиха, с которым они вместе работали в Лондоне в первой командировке. У офицера на связи был ценный источник. Он давал отменные материалы, которые получали высокие оценки. Однако положение Мелиха и контрразведательная обстановка, которая складывалась вокруг него, беспокоили Ивлиева. Как раз в это время сотрудник находился на Родине, в отпуске, и Николай Васильевич, представив свои соображения начальнику управления, предложил в целях безопасности оставить Мелиха в Москве.

Начальник, выслушав доводы «участкового», тем не менее принял решение отправить офицера за границу. Уж очень не хотелось ему расставаться со столь ценным агентом. Но

Ивлиев чувствовал: над Мелихом нависла реальная угроза. И тогда он предпринимает еще одну попытку переубедить начальника управления.

«Мы с моим подчиненным и другом Владимиром Логиновым, – вспоминал Ивлиев, – написали доклад страниц на десять. И там сделали выводы, буквально, первое, второе, третье... Где доказывали, что Мелиха отправлять нельзя. Более того, предлагали дать сигнал агенту, чтобы он уезжал из страны. Но наш начальник написал резолюцию: “Воздержаться от реализации выводов до выяснения обстановки”. А что, собственно, ее выяснять, она ясна, как белый день.

Но приказ есть приказ, и выше головы не прыгнешь. Игорь возвратился в страну пребывания, вскоре был арестован и посажен в тюрьму. Агента тоже взяли. С большим трудом Мелиха удалось выволить из заточения, и он возвратился на родину. Судьба агента оказалась более трагичной».

После ареста Мелиха, как обычно, начались разбирательства. Начальник управления был крайне недоволен. Николай Васильевич спорить не стал, признался сразу:

– Тут я виноват.

Начальник даже заулыбался, но уточнил на всякий случай.

– В чем виноваты?

– Да в том, что не настоял на своих выводах.

– На каких выводах? – удивился генерал.

Пришлось представить докладную записку с личной резолюцией начальника. Тот прочитал, изменился в лице, процедил сквозь зубы:

– Ах да, совсем забыл...

...Шестидесятые годы прошлого столетия характеризовались бурным ростом национально-освободительного движения в Африке. На Черном континенте появились новые государства, и Советский Союз устанавливал с ними дипломатические отношения. Там же открывались и аппараты советских военных атташе. Стремительно изменяющаяся обстановка заставляла военную разведку разрабатывать и внедрять новые подходы в своей деятельности в африканских регионах.

В Главном разведывательном управлении было принято решение развернуть новое самостоятельное направление с прямым подчинением первому заместителю начальника ГРУ генерал-полковнику Хаджи Мамсурову. Со временем оно вырастет в самостоятельное управление.

Создавать новое направление решили поручить теперь уже капитану 1-го ранга Ивлиеву. Признаться, от такого предложения Николай Васильевич был в растерянности, ведь он никогда прежде не занимался Африкой. Эти сомнения он и высказал Мамсурову. Тот лишь слегка усмехнулся и парировал возражения Ивлиева весьма неожиданно.

– Николай Васильевич, но я ведь тоже никогда прежде не был заместителем начальника Главного управления.

И тут же пообещал отправить его в ближайшее время с ознакомительной поездкой по Африке.

– Так что действительность увидишь собственными глазами, а что касается организационной стороны, то мы в тебе уверены, справишься.

С этим напутствием Ивлиев взялся за необычное для себя дело – организацию нового коллектива. Мамсуров сдержал свое слово. После всех организационных мероприятий он дал возможность совершить две поездки по Африканскому континенту – одну в Марокко в составе военной делегации на празднование Дня независимости, другую, индивидуальную, – в Египет, Судан и Эфиопию.

В Египте с ним приключилась почти мистическая история. Полковник Иван Пупышев на время пребывания в Каире поселил Ивлиева в квартире уехавшего в отпуск военного атташе. Да к тому же в шутку заметил: «Привыкай к этой квартире. Как знать?..» В ответ Ивлиев только рассмеялся. А зря. Через несколько лет шутка Пупышева обернется явью.

Создавая направление, Николай Васильевич «перелопатил» много материала и считал, что хорошо знает Африку. Однако действительность опрокинула все его книжные представления.

Два года руководил Ивлиев африканским направлением. Оно начало вставать на ноги, по своим результатам уже выходило на уровень «линейных» направлений, и тут ему предложили новую должность – заместителя начальника управления кадров ГРУ.

После предательства Пеньковского кадровый орган военной разведки подвергся тщательной и жесткой проверке, и в результате все руководство управления было отправлено в отставку. А заменить его решили «боевыми» офицерами, теми, кто имел оперативный опыт зарубежной работы.

Возглавил кадры ГРУ бывший военный атташе в США Иван Большаков. Заместителем к нему пришел Николай Ивлиев.

«Откровенно говоря, – признавался Николай Васильевич, – я был расстроен новым назначением, так как ошибочно полагал, что кадровая работа – это своего рода отсидка работников до лучших времен. На самом деле оказалось, что это большая жизненная школа и кладезь знаний в вопросах взаимоотношений с людьми.»

Передав дела полковнику Плахину, я как законопослушный офицер ринулся на освоение нового участка».

Шесть лет прослужил он в управлении кадров. Здесь стал контр-адмиралом, отметил пятидесятилетний юбилей. Казалось бы, тут ему и службу заканчивать. Однако Николай Васильевич все чаще возвращался к годам своей оперативной работы.

Тогда он был по-настоящему счастлив. Может и не понимал этого, не осознавал в полной мере. Так ведь неспроста говорят: большое видится на расстоянии. Вообще, когда решение созрело окончательно, Ивлиев обратился к руководству и попросил отпустить его из управления кадров.

К тому времени подходил срок замены военно-морского атташе во Франции. Николаю Васильевичу предложили готовиться к поездке в Париж. Он срочно засел за французский. Через несколько месяцев уже свободно пересказывал на французском новости, услышанные утром по радио. Преподаватель, который занимался с ним, был доволен. Словом, все шло хорошо. Но Франция вдруг отказала в агримане. Казалось бы, прошел огромный срок – одиннадцать лет, с тех пор как англичане объявили его персоной нон грата. Но, видать, не забыли они помощника военно-морского атташе Ивлиева, и своим партнерам – французам по НАТО подсказали. В общем, не пустили его в Париж.

Начальник управления кадров генерал Изотов предложил другой вариант, третий. Однако они явно не подходили адмиралу Ивлиеву. И тогда рассерженный главный кадровик обвинил своего заместителя, что якобы тот ищет себе «теплое местечко». На что Николай Васильевич ответил: «Готов поехать не только в теплое, но и в горячее местечко».

Пожалуй, одним из самых «горячих местечек» на планете в ту пору был Египет. Каир и другие города постоянно бомбили израильтяне. Ивлиев предложил себя на должность военного атташе в этой стране. Тем более полковника Коряковского отзывали из Египта досрочно.

Этот выбор устроил всех. Перед отъездом в зарубежную командировку адмирала Ивлиева пригласил к себе начальник Главного разведывательного управления генерал армии Петр Ивашутин.

– Знаете, – сказал Ивашутин, – случилось так, что у вашего предшественника не сложились отношения ни с послом, ни с главным военным советником. Если вы не сумеете исправить положение, мы окажемся на грани закрытия аппарата военного атташе в Каире. Возлагаем на вас большие надежды.

Вот с таким напутствием контр-адмирал Николай Ивлиев в мае 1970 года и отбыл в Египет.

И снова на войне

В первые же дни после прибытия в Каир Николай Ивлиев представился послу Сергею Виноградову и наткнулся на весьма холодный прием. Прав был генерал Ивашутин, когда обращал внимание будущего военного атташе на давний конфликт. Судя по всему, возник он не вчера и имел солидную предысторию.

Николай Васильевич понял одно: с ходу, с наскока разрубить этот тугой узел противоречий при первом знакомстве не удастся. И потому решил ограничиться коротким визитом, а на досуге подумать, как выйти из сложившейся ситуации.

В этот же день с полковником Александром Коряковским, который сдавал дела Ивлиеву, они поехали к главному военному советнику генерал-полковнику Ивану Катышкину. Его штаб размещался в пригороде Каира, в комплексе зданий, за высоким забором. Оказалось, что доступ для военного атташе сюда был крайне ограничен. Тем не менее Катышкин, несмотря на сложные отношения с Коряковским, не мог не принять нового военного атташе.

Разговор получился также не самый теплый. Ивлиев рассказал о полученном указании начальника ГРУ установить с главным военным советником самые добрые отношения. Он специально напомнил Катышкину, что Ивашутин не только руководитель военной разведки, но и заместитель начальника Генерального штаба. Генерал-полковник пытался во всем обвинить Коряковского, однако Николай Васильевич тактично, но твердо дал понять, что его интересуют только их будущие взаимоотношения. Трудно сказать, что больше подействовало на Катышкина – пожелание Ивашутина или убедительные доводы Ивлиева, но он, подобно Чапаеву из одноименной кинокартины, пригласил нового атташе приходиться к нему в любое время, «в полночь-за полночь».

Николай Васильевич, безусловно, верил генерал-полковнику. Но, как говорят в народе, доверяй, но проверяй. Той же ночью под благовидным предлогом он возвратился в штаб главного военного советника и, к своему удивлению, был не только пропущен, но и любезно принят дежурным офицером. Кстати, Ивлиев пришел не с пустыми руками. Он доставил Катышкину интересующую его информацию, добытую одним из разведисточников. Так сказать, для укрепления дружеских отношений.

С советниками-морьяками при штабе ВМФ Египта установить добрые отношения не представляло никакого труда. Ибо среди этих советников было трое однокурсников Ивлиева по Военно-морскому училищу им. П. Нахимова – контр-адмирал Николай Попов, Герои Советского Союза капитан 1-го ранга Александр Кананадзе и Федор Дьяченко. Да и его товарищи по выпуску гордились тем, что их сокурсник-адмирал является военным, военно-морским и военно-воздушным атташе. Так что в Александрию, где квартировал штаб ВМФ Египта, он приезжал, как к себе домой.

Собственно, они и помогли Ивлиеву растопить лед в отношениях с послом. По просьбе Николая Васильевича командование эскадры на День Военно-морского флота пригласило посла Виноградова и устроило ему такой прием – с флагами расцвечивания, оркестром на пирсе, строем моряков в белой парадной форме, торжественным подъемом государственного флага и, конечно же, с праздничным обедом в кают-компании, – что сердце старого дипломата дрогнуло.

К сожалению, установившиеся деловые отношения продлились недолго. Посол Виноградов заболел и срочно выехал в Москву. Временно его обязанности исполнял советник-посланник Владимир Поляков, с которым у Николая Васильевича были товарищеские отношения.

Так, повинуясь приказу начальника ГРУ, адмирал Николай Ивлиев выполнил первую важнейшую задачу, поставленную перед ним.

Однако неспроста Египет в ту пору считался «горячей точкой». Обстановка в стране была напряженной. После разгромной для арабского мира шестидневной войны 1967 года израильские ВВС наносили безнаказанные удары по Каиру, Александрии, Асуану. Египетские войска отвечали артиллерийскими обстрелами опорных пунктов врага, расположенных на оккупированном Израилем восточном берегу Суэцкого канала. Египтяне называли это «войной на истощение», хотя подобные операции ощутимых результатов не давали.

1970 год, первый год пребывания Ивлиева в Египте, преподнес еще один сюрприз: в сентябре скончался президент Гамаль Абдель Насер. Его смерть обернулась большой утратой не только для египетского народа и всего арабского мира, но и для советско-египетских отношений.

Насер ушел из жизни в тот решающий момент, когда ему лично удалось сделать, казалось бы, невозможное: собрать за столом практически всех арабских лидеров, которых раздирали непримиримые противоречия. Но эта тяжелая борьба за преодоление распрей среди арабов оказалась губительной ношей для Насера, страдающего болезнью сердца.

На похороны съехались государственные делегации со всего мира. Советскую делегацию возглавлял председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин.

«В столице творилось невероятное, – вспоминал Ивлиев, – все улицы запружены народом. Женщины в истерике рвали на себе волосы, люди падали с мостов в Нил. Крики, вопли, беспорядочное движение всюду: смешались машины, люди, верблюды. Не только население столицы, но массы народа, приехавшие из других городов, вышли на улицы.

Не имея представления о масштабах хаоса, творящегося на улицах, мы с водителем выехали на нашем “Шевроле”, направляясь к посольству, чтобы присоединиться к нашей делегации.

Водитель пытался избегать многолюдных улиц, но по мере движения нас все больше сдавливала многотысячная толпа. Рассерженные появлением инородного предмета, препятствующего потоку, люди стали колотить по корпусу машины кулаками и палками. На капот и крышу взгромоздились четверо дюжих арабов. К счастью, мы успели поднять стекла окон и закрыть двери, иначе обезумевшая толпа могла вытащить нас наружу с непредсказуемыми последствиями.

Я приказал водителю продолжать движение, чего бы это ни стоило. Наконец мы добрались до линии бронемашин, преграждавших путь толпам у самого дворца. Увидев меня в форме советского адмирала, солдаты очистили нашу машину от непрошенных пассажиров и эскортировали в глубь дворца в безопасное место».

После похорон Насера его кресло занял Анвар Садат. Началась новая эпоха для Египта. Малообразованный, ничем себя не проявивший во время правления Насера, он оставался в тени и был малозаметной фигурой. Однако оппоненты Садата плохо изучили его. Став у руля правления страной, он окажется на редкость хитрым и изворотливым. Садат не только освободится от своих политических противников, но и обвинит их в предательстве и бросит в тюрьму.

Но это случится немного позже. А после смерти Насера МИД СССР направит в Египет своего опытнейшего дипломата, занимавшего до этого высокий пост заместителя министра иностранных дел, Владимира Виноградова.

В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Знамя» в декабре 1988 года, Владимир Михайлович напишет: *«13 октября (1970 года. – Авт.) я вернулся в Каир с супругой. Теперь в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла в Объединенной Арабской республике. Встречали уже знакомые сотрудники посольства: советник-посланник*

Владимир Поляков, советники: Вадим Кирпиченко, Александр Тетерин, Николай Раевский, Вадим Синельников, Александр Орлов, Павел Акопов, военный атташе контр-адмирал Николай Ивлиев. Я намеренно называю этих верных товарищей, отличных специалистов... Они составили костяк посольства, который принял на себя основную тяжесть сложной работы в последовавшие годы, когда все яснее вырисовывалась линия президента Садата, направленная на отход от насеровского курса и во внутренней и во внешней политике».

Итак, «тяжесть сложной работы», как выразился посол. В чем она состояла для адмирала Ивлиева? Прежде всего, в том, что 6 октября 1973 года начался вооруженный конфликт, в котором участвовали Египет, Сирия и Израиль. Позже этот конфликт назовут «октябрьской войной» или войной «Рамадана».

В 14 часов в резиденции советского посла в Каире зазвонил телефон. Секретарь Вафу Гулизаде взял трубку. Оказалось, звонил президент Садат. Виноградов подошел к телефону и услышал ликующий голос Садата: *«Сафир! (посол. – Авт.) Мы на восточном берегу канала! Египетский флаг на восточном берегу! Мы пересекли канал!»*

С началом боевых действий посольство и аппарат военного атташе перешел фактически на казарменное положение. В подвальном помещении под резиденцией посла было оборудовано бомбоубежище с запасом продовольствия, питьевой воды, медикаментов. В подвале же самого посольства соорудили звукоизолирующую охраняемую кабину для ведения спецпереговоров с Москвой. Кабина прикрывалась бронированными перегородками. Доступ в нее имели посол, военный атташе и еще два-три человека.

Отсюда адмирал Ивлиев каждый день, а порою и несколько раз за сутки, докладывал в Центр по спецрадиосвязи о состоянии дел на фронте.

Начальник разведки и контрразведки военного министерства Ахмед Исмаил пригласил к себе Николая Васильевича, чтобы официально информировать его о начале активных боевых действий против Израиля. Он также просил об организации воздушного места для осуществления поставок оружия и техники.

В свою очередь, Ивлиев в целях объективного и своевременного информирования командования военной разведки высказал пожелание установить посменное дежурство офицеров аппарата военного атташе в штабе египетского министерства. В тот же день было организовано трехсменное дежурство. Это дало возможность, особенно на начальном этапе, пока не стабилизировался фронт, получать данные из первых рук и оперативно передавать их в Москву.

А данные были таковы. В праздник всех мусульман – Рамадан, когда большинство мусульман молится Аллаху, египтяне открыли артиллерийский огонь по укрепленным пунктам израильтян. Потом начали переправу войск. За несколько часов они форсировали Суэцкий канал и закрепились на восточном берегу.

Контратаки израильтян успеха не имели. Налеты авиации также не давали желаемого результата из-за эффективно действующей противовоздушной обороны египтян.

Израильская танковая бригада, введенная в бой, была разгромлена. Вторая бригада понесла серьезные потери и отступила. Казалось бы, самое время развивать успех, но египетские войска неожиданно остановились и окопались.

«В ответ на мой вопрос, – пишет в своих воспоминаниях посол Владимир Виноградов, – о планах действий Садат весьма раздраженно отвечал, что “не собирается бегать по Синаю”, что его цель нанести как можно больше воинского урона израильтянам, а не захват территории. Он будет ждать подхода главных (!) вооруженных сил израильтян, чтобы перемолоть их. Странная логика и тактика, ведь до перевалов Гидди и Миттла на Синае египтянам оставалось совсем немного, путь к ним был фактически открыт. А тот, кто владеет этими перевалами, владеет всем Синаем».

Первоначальный успех имели и сирийцы, отбросив израильские войска с оккупированных Голанских высот. Однако, увидев, что египтяне на своем фронте прекратили наступление, израильтяне, собрав силы, бросили их против сирийцев, пошли на Дамаск, начали воздушные бомбардировки городов. Египетская армия бездействовала.

С началом войны из Москвы в Египет прибыла группа специалистов, целью которых было изучение тактики использования новейших видов советского и американского оружия в реальной боевой обстановке. Возглавил эту группу по приказу Центра адмирал Ивлиев.

С разрешения местного командования в форме солдат египетской армии без знаков различия советские офицеры переправились на понтоне на восточный огнедышащий берег Суэцкого канала. Николаю Васильевичу вспомнилось лето 1944 года, Нормандия и их высадка на только что захваченный десантом союзников берег.

«При переправе, – рассказывал Ивлиев, – нам встретились солдаты, которые только что вышли из боя. Их однополчане, сопровождавшие нас, крикнули, что на передовую идут русские. Надо было видеть, с каким восторгом они приняли эту весть. С победным криком в едином порыве взмыли вверх руки со сжатыми кулаками.

Мы, конечно же, не принимали это на свой счет, но, признаться, было приятно, что таким образом египтяне выражали благодарность своим наставникам из Советского Союза, научившим их побеждать».

Группа Ивлиева занялась сбором американских и израильских образцов оружия и техники. В последующем эти образцы планировалось переправить в Москву. Однако, когда специалисты возвратились в Каир со своими находками, египетские власти приказали сдать их в армейский штаб, якобы для «регистрации».

«Регистрация» затянулась надолго. Теперь Николай Васильевич ходил в управление разведки и контрразведки, как к себе на службу, требовал выдать то, что было найдено ими на поле боя, кстати, с разрешения египетских властей. Пришлось напомнить, что воздушный мост по доставке оружия и военных материалов предполагает не одностороннее, а обоюдное выполнение договора и дружбе и сотрудничестве. Напоминание возымело действие, и некоторые образцы удалось вернуть обратно и отправить в Москву.

Однако добывание образцов оружия и боевой техники для военных разведчиков дело не разовое, а постоянное. Прибыли «спецы» из столицы, не прибыли, это не меняло сути дела. Аппарат военного атташе занимался этим непрерывно. И, надо отметить, постоянно встречался с большими трудностями и сопротивлением египетской стороны. Так, английский танк «Центурион» устаревшей конструкции египтяне отдали без сожаления. Видимо, действуя по принципу: на тебе, боже, что мне негоже. А вот новейший американский М-60 Ивлиеву разрешили только осмотреть снаружи. Правда, потом, при определенном дипломатическом нажиме, дали добро на осмотр внутри и, под контролем инструктора, на запуск двигателя, движение вперед на несколько метров.

Но «экскурсия» по М-60 ровным счетом ничего не давала. Пришлось упорно убеждать египтян в необходимости отправить боевую машину в Советский Союз. Мотивация одна: советские специалисты после ее изучения выдадут рекомендации для борьбы с такими танками.

Чего только ни придумывали арабы, лишь бы не передавать танк. Заявляли, что это единственный ценный экземпляр, хотя это было не так. Убеждали Ивлиева, что башню заклинило и в подобном положении боевую машину не удастся загрузить в самолет.

Помощник военного атташе майор Владимир Наон, в прошлом танкист, доказал египтянам, что повернуть башню не представляет трудностей. Вообще, после долгих уговоров, споров, преодоления уловок М-60 удалось отправить в Москву.

Еще более тяжелая борьба разгорелась за беспилотный самолет-разведчик, который египтянам удалось случайно посадить на своей территории. Арабы вытащили из него электронную начинку и фотоаппаратуру, которая как раз и интересовала нашу разведку. Беспилотник выставили для показа фронтовых достижений. Это явилось оправданием для отказа передать его советским специалистам.

Ивлиев предлагал изготовить макет беспилотника и экспонировать его на выставке трофеев, но египтяне отказались.

В то же время Центр настаивал. Самолет-разведчик был крайне ценен. Дошло до того, что начальник разведуправления Ахмед Исмаил вспылил и, выскочив из-за стола, на повышенных тонах бросил упрек адмиралу Ивлиеву в том, что на полях сражений льется кровь египетских солдат, а он домогается каких-то образцов.

Николай Васильевич спокойно, но решительно попросил снизить тон беседы, напомнил, что они находятся в одинаковых воинских званиях, и указал: крови прольется значительно больше, если не помочь египетским воинам в борьбе с таким оружием.

Надо отдать должное, начальник разведки остыл и даже нашел мужество извиниться.

Центр, полагая, что Ивлиеву не удастся отстоять весь беспилотник, прислал телеграмму, в которой приказывал сосредоточить усилия на добывании фотоаппаратуры. Но усилия военного атташе не пропали даром. Вскоре египтяне выдали беспилотник в полном комплекте. И он убыл в Москву.

Нередко истории с обретением новой техники и оружия имели свое продолжение. Запасных частей и боезапаса, которые были направлены вместе с танком М-60, оказалось недостаточно для дальнейшего и всестороннего изучения боевой машины. Центр дал указание каирскому резиденту Николаю Ивлиеву добыть все это и переправить в Советский Союз.

Однако обстановка менялась к худшему. Садат все больше сближался с США и отходил от СССР, и Николай Васильевич понимал: выполнить задание руководства ГРУ официальным путем будет непросто, а то и вовсе невозможно. И тогда он решил действовать нелегально, используя личные знакомства. У него сложились добрые, дружеские отношения с командующим бронетанковыми войсками Египта, который больше других был заинтересован в результатах испытаний. Они обсуждали этот вопрос еще пред отправкой М-60 в Москву.

Ивлиев пришел к командующему, вручил ему результаты предварительных испытаний танка и попросил о запасных частях. Генерал согласился и уже на следующий день пригласил к себе Николая Васильевича, показал нагруженные машины во дворе и предложил сопровождать их до аэропорта, где уже стоял самолет из Москвы. Ивлиев поблагодарил командующего, но от сопровождения груза уклонился, попросил выделить египетского офицера. Он хорошо изучил местных генералов и прекрасно знал о межведомственном соперничестве, а в связи с этим предполагал возможность осложнения для себя.

Кстати говоря, оказался совершенно прав. Груз действительно был доставлен к трапу самолета, но разгрузить его не дали. Вмешались какие-то иные силы. Генерал, конечно же, извинился, но операция была сорвана, и Москва, к глубокому сожалению, не получила запасные части к танку. Однако никаких претензий египетская сторона советскому военному атташе не предъявляла.

С окончанием октябрьской войны работы у Николая Ивлиева не уменьшилось. Как-то командующий ВМФ Египта пригласил его приехать в Александрию. В личной встрече адмирал попросил высказать мнение, смогут ли советские военно-морские силы провести минное траление Суэцкого залива. Разумеется, поинтересовался, сколько потребуется времени, чтобы прояснить этот вопрос. Ивлиев попросил двое суток. Командующий лишь недоверчиво улыбнулся и напомнил об операции на Суэцком канале. Что тут скажешь, египетский адмирал иронизировал неспроста. После окончания боевых действий египтяне обратились

к Советскому Союзу с просьбой провести траление канала. Но решение вопроса затягивалось, и инициативу перехватили западные страны – США, Англия и Франция. Они, собственно, и провели эти работы. Правда, тралить там, по сути, было нечего. Выловили мусор, да несколько старых неразорвавшихся снарядов. Но пресса постоянно писала о подвигах американских, английских и французских моряков.

Основная же опасность таилась как раз в Суэцком заливе, где ставили мины египетские и израильские корабли. Причем точных данных о расположении минных полей у Египта не было. Иными словами, нам предлагали тяжелую и опасную работу, в непривычную для нас жару, при противодействии израильских катеров. Но Советский Союз не мог отказаться.

Через двое суток адмирал Ивлиев вновь был в Александрии. Его сопровождали еще двое специалистов, срочно прибывших из Москвы. Командующий флотом был немало удивлен такой оперативностью. Он вызвал своих подчиненных с картами минных заграждений в Суэцком заливе. Началось предварительное обсуждение работ, определение сил и средств.

Уже через месяц отряд советских тральщиков, проделав длительный переход, прибыл в Красное море, в порт Хургаду, и приступил к тралению.

Израильяне всячески старались помешать работам. Их катера неоднократно создавали аварийную обстановку, пересекая курс нашим тральщикам.

Советские моряки успешно справились с поставленной задачей. В 1974 году Суэцкий канал открыли для судоходства. На торжества по случаю открытия канала в Порт-Саид пригласили представителей всех посольств, аккредитованных в Египте.

Накануне празднования было официально объявлено, что в морском параде примут участие только корабли египетского флота. Однако тут же военный атташе США, срочно попросив о встрече с Ивлиевым, доверительно сообщил, что парад кораблей возглавит американский крейсер «Аретуза». Так, собственно, и случилось.

Садат разыграл перед Советским Союзом американскую карту. Правда, на участие в параде приглашение не получили не только советские корабли, но и суда союзников США по НАТО – Англии и Франции.

Посчастливилось адмиралу Николаю Ивлиеву исполнять и почетные, но хлопотные обязанности дуайена военно-дипломатического корпуса. Это, пожалуй, вершина служебной лестницы военного дипломата. Дуайен, как известно, осуществляет посредничество между ассоциацией атташатов и военным ведомством в вопросах присутствия на учениях, выездах в прифронтовые города, при посещении промышленных объектов, исторических мест страны пребывания.

Помимо всего прочего, пост дуайена дает широкие возможности добывания и проверки необходимой информации. Прежде всего, путем общения с коллегами, разумеется, при условии хорошо налаженных личных отношений. И тут многое зависит от личных качеств дуайена: его общительности, умения быть интересным для собеседника и, конечно же, обладании чувством юмора.

Кстати, чувство юмора не раз выручало Ивлиева. Как-то английский коллега пригласил Николая Васильевича с супругой на рождественский вечер в британское посольство. На званый ужин была объявлена строгая форма одежды: мужчины – в смокингах, женщины – в вечерних платьях. Англичанин явно считал, что советские не в силах выдержать объявленную форму. Иначе чем объяснить то, что в разгар вечера военно-воздушный атташе Великобритании Дэвид, будучи уже навеселе, подошел к столу, за которым сидел Ивлиев с супругой, и с усмешкой громко сказал, намекая на смокинг Ивлиева с черным галстуком и черным поясом:

– Николай! Я не знал, что ты капиталист!

Соседи по столу, англичане, дружно рассмеялись, явно ожидая ответа. Николай Васильевич отметил про себя, что на Дэвиде красный галстук и такой же красный пояс.

– То, что я капиталист, не новость. Китайская пресса давно обвиняет нас в советском империализме. А вот то, что ты, Дэвид, стал красным – для нас большая неожиданность.

Дэвид ничего не смог ответить, ибо стол взорвался гомерическим смехом. Шутка быстро облетела столы и имела успех.

В перерыве к ним подошел английский посол, поднял бокал и поздравил адмирала Ивлиева с блестящей шуткой.

Добрые отношения с коллегами и благожелательная обстановка здорово помогает в работе, хотя, казалось бы, не имеет никакого отношения к ней. В этом не раз убеждался Ивлиев. Как-то его английский коллега предоставил информацию о секретных мероприятиях, проводимых американцами в египетских территориальных водах.

Сотрудники аппарата итальянского военно-морского атташе поделились данными о неофициальной поездке президента Египта в Англию.

И таких дружеских контактов обмена мнениями было немало. Они оказались весьма полезными для обеих сторон.

...В декабре 1975 года, после пятилетнего срока пребывания в Египте, контр-адмирал Николай Ивлиев покинул Каир. Ему исполнилось 57 лет, за плечами – около сорока годков службы, от курсанта до адмирала, от работника отдела до заместителя начальника управления, от офицера военной миссии до высокой должности военного атташе и дуайена военно-дипломатического корпуса. И Николай Васильевич принял решение: «Стоп машины. Отдать якорь!» Он написал рапорт об увольнении и ушел в запас.

На гражданке Ивлиев также нашел себя. Но это совсем другая история.

Время выбрало нас

Тяжелый бомбардировщик ТБ-3, поднявшись с аэродрома Кременчугского авиационного училища штурманов, успешно сбросил бомбы на вражескую переправу. «Теперь домой», – с надеждой подумал курсант Александр Хоменко, помощник штурмана самолета. Это был его второй вылет. Первый они совершили два дня назад: дошли до нужной точки, сбросили бомбозапас на цель и благополучно вернулись назад.

Александр в глубине души надеялся, что и на этот раз повезет. И они с победой возвратятся на родной аэродром. Но на войне, как на войне, – жизнь не часто преподносит такие подарки. Неожиданно откуда-то из облаков выскользнул фашистский истребитель и с ходу ударил по их «тихоходу» из пулеметов.

«Тэбэшку» и в обычном-то мирном полете трясло, как в лихорадке, а тут еще немецкие пули и осколки прошивали гофрированное тело самолета. Несколько раз казалось, что простреленная насквозь машина падает, но командир экипажа, опытный летчик-инструктор, дотянул-таки до своего аэродрома.

Бомбардировщик «плюхнулся» на взлетно-посадочную полосу и загорелся. Задыхаясь от дыма, Хоменко вывалился из кабины на землю. Кто-то схватил его за воротник летной куртки и оттащил подальше от машины, сбил огонь с обмундирования.

Пылающий самолет погасили, но он продолжал дымить, и едкая гарь стелилась по земле. ТБ-3 был похож на старого, отжившего свой век и поверженного в бою монстра. Хоменко смотрел на бомбардировщик и с горечью думал, что теперь и он, как десятки других летчиков и штурманов, остался «безлошадным». Сгорел самолет, и никто не заменит его.

22 июля в 4 часа утра от первого удара немецкой авиации по Кременчугскому аэродрому пострадали или были уничтожены десятки самолетов. Уцелело несколько машин, среди которых и его «тэбэшка». Теперь и ее нет.

После недолгого лечения в медсанбате курсант Хоменко оказался в резерве, в компании таких же, как он, летчиков, штурманов, стрелков, радистов, оставшихся без самолетов.

Это потом, после победы, он узнает страшные цифры потерь авиации в первый день войны. А тогда ни о чем подобном «сталинские соколы» не подозревали.

В мае 1942 года началась Харьковская наступательная операция Юго-Западного фронта. Советское командование возлагало на нее большие надежды, рассчитывая перехватить инициативу у немцев.

Войска правого крыла Южного фронта стояли в обороне и должны были поддержать с юга наступающую группировку. Людей, как всегда, не хватало, и в пехотные части под Харьков направили почти весь летный резерв фронта – 900 человек.

17 мая враг бросил в наступление 11 дивизий армейской группы «Клейст» против наших двух армий Южного фронта. Отразить этот мощный удар советские войска не смогли. Сложилась критическая обстановка.

23 мая армейская группа «Клейст» соединилась с частями 6-й армии, наступающими с севера, и перерезала нашим частям, действующим на барвенковском выступе, пути отхода. Попытка деблокировать окруженные соединения успеха не имели. Войска понесли большие потери.

Позже Александр Хоменко будет вспоминать: *«За время пребывания в “летном” резерве мы успели сдружиться и писали ребятам, отправленным сражаться под Харьков. Никто ответа не получил. А вскоре стало известно: не подготовленные к боям на земле, в пехотных подразделениях “сталинские соколы” остались лежать на полях сражения».*

Курсанту Хоменко повезло: из тысячи летных резервистов сотню человек послали не на фронт, а в тыл, в Ташкент, в стрелковое училище имени В.И. Ленина.

Обучали пехотному делу крепко. Дисциплина – железная. И это их, «властителей неба». Все внутри закипало и восставало против пехотной муштры. Они писали возмущенные рапорта, требовали отправить их на фронт, но по специальности. Однако гордых «летунов» быстро спустили с неба на землю, дали в руки лопаты и стали обучать первой пехотной заповеди – чем глубже окоп, тем дольше жизнь.

Занятия в классах проводились изредка, остальное время – в поле. Учили воевать, выживать в бою. Полгода – срок малый, но основы пехотных знаний заложить успели.

В августе 1942-го Александр Хоменко стал лейтенантом и был направлен на фронт. Их эшелон разгрузили на берегу Волги и отправили в Астрахань, в строю, пешком. Как скажет он потом: «Пылили недели полторы...» Попадали под бомбежки, хоронили погибших, и вновь в дорогу. Так добрались до пункта назначения, где и вошли в состав 248-й стрелковой дивизии. Это потом она станет и Одесской, и Берлинской, а тогда, уже дважды уничтоженная, формировалась заново, в третий раз.

Его, девятнадцатилетнего лейтенанта, назначат командиром разведывательной роты 899-го стрелкового полка. А вскоре он получит свою первую разведзадачу – во главе группы разведчиков с радиостанцией, на двух бронемашинах убыть в калмыцкие степи и выяснить, где располагается противник и чем занимается.

Что ж, приказ есть приказ. Собрались и вышли в поиск. Вот тогда впервые и вспомнил Александр слова русской народной песни: «Степь да степь кругом, путь далек лежит». Тот, кто написал ее, степь знал прекрасно. В отличие, например, от него, выросшего у моря. Выгоревшая жухлая трава, пыль, земля плоская, как сковородка, до самого горизонта, глазу не за что зацепиться.

Блуждали день, второй. Кругом пустота. Ни намек на своих. Раз-другой встретили местных жителей, однако всем своим видом те показывали, что совсем не рады красноармейцам. На вопрос о немцах лишь пожимали плечами. И это было еще полбеды – ведь на вопрос о колодцах они отправляли в противоположную сторону.

К исходу вторых суток блужданий разведчики заметили немцев. Впрочем, не заметить их было невозможно. Катили по степи нагло и открыто, без маскировки и даже боевого охранения. Ох, как закипела злость в душе у комроты Хоменко: ударить бы из всех стволов по этим наглым фашистским мордам. Но это означало только одно: и самим погибнуть и боевую задачу не выполнить. Потому машины скатили в овражек, как могли замаскировали, а сами, едва высунувшись из укрытия, вершили главное дело разведки – глядели во все глаза, вели подсчет живой силы и техники, определяли направление движения. И так несколько суток подряд. Потом возвратились в дивизию с серьезными и важными сведениями о противнике.

«Дурные» качели

У человека не воевавшего слово «наступление» вызывает, как правило, положительные эмоции. Да и то, правда, ведь ты гонишь врага, а не он тебя. Однако на деле бывает всякое. Случается, враг собирается с силами и на каком-то участке бросается в контрнаступление. Приходится откатываться назад. В одну из наших встреч Александр Андреевич назвал такое состояние «дурными» качелями. Думается, очень точное определение.

Многосуточное, изматывающее, с боями продвижение вперед, в условиях бомбежек, артиллерийских обстрелов, неожиданных танковых ударов, испытал он и его боевые товарищи по полку при наступлении на город Элисту и дальше – на Ростов-на-Дону.

Сначала страдали от нехватки воды, поскольку отступающие фашисты забрасывали и без того редкие колодцы в степи трупами животных, потом – от холода. Ведь из Астрахани выходили, когда еще было тепло, в летнем обмундировании, но лето заканчивалось, холодало, а подвоз зимней одежды задерживался.

Но более всего страдали от гибели боевых товарищей. Так, в Сальских степях в ожесточенных боях погибло много курсантов Астраханского военного стрелково-пулеметного училища. Им не дали офицерских званий, они рядовыми бойцами составили костяк 248-й дивизии.

В их рядах запросто мог оказаться и он, Александр Хоменко. Но, к счастью, не оказался. Более того, ему повезло. Командир полка направил его на курсы штабных офицеров. После их окончания он вскоре получил солидное повышение, стал помощником начальника штаба полка.

Александр Андреевич считает, что дело здесь не в его командирских способностях. Просто за плечами у него оказалось обучение в штурманском училище и в пехотном. Выходит, карты он читал получше других, да и боевой опыт к тому времени накопил. Как ни крути, а ротой разведки командовал.

Не исключаю, что так оно и было. Единственное, что хотелось бы добавить: в конце 1942 года лейтенант Хоменко удостоился очень почетной и любимой у фронтовиков награды – медали «За отвагу». Ее, как известно, с гордостью носили и генералы и солдаты. А в том трудном для нашей армии и страны году награждали очень мало и скупно. А его, поди ж ты, удостоили. Значит, было за что.

В помначштаба Александр проходили недолго. К своему двадцатилетию он уже возглавлял штаб полка. Да не какого-нибудь резервного, тылового, а самого что ни на есть боевого.

Через много десятилетий после войны Хоменко напишет: *«Парадоксальная все же это штука – война. Пока непосредственно под Сталинградом наши войска окружали и добивали постепенно 6-ю армию Паулюса, отступающие части армии Клейста прокатились сталью по нашему полку, который наступал на Ростов-на-Дону».*

Скажу сразу, разгром был страшный. Из трех тысяч человек в живых осталось триста. Боевое знамя полка вынес начштаба Хоменко, обвязав полотнище вокруг себя.

А случилось это зимой 1943-го. Уже в ночь полк вошел в деревню Каменка, которая оказалась, к счастью, не разрушенной. Мороз на дворе стоял за минус двадцать, а тут теплые избы. Все было сделано правильно с точки зрения военной науки – и орудия выставлены, и пулеметы, чтобы исключить внезапное нападение противника, и охранение. Прекрасно помнит, сам лично в ту ночь всех проверял.

Однако дело было совсем не в том. Полк оказался аккурат на пути отступающих танков Клейста. Они с ходу смяли охранение и ворвались в деревню. Прямой наводкой били по домам, косили из пулеметов.

Полк состоял из опытных, обстрелянных солдат, но нападение было неожиданным и силы неравны. Полковая артиллерия, пушки-сорокапятки погибли под гусеницами в первые минуты боя. Солдаты и офицеры, кто уцелел, бросились из деревни в близлежащий глубокий овраг.

Оставшиеся три сотни бойцов к утру вырыли по склону окопы. А сверху по дороге шли и шли немецкие танки, колесная техника, пехота. И так один день, второй, третий...

Танки, к счастью, в крутой овраг спуститься не могли, а солдат в атаку, под огонь немцы бросать почему-то не хотели – сами ведь отступают, время терять не хотят. Да и понимали, что три сотни оставшихся от полка просто так жизни свои не отдадут. Иногда бросали гранаты, постреливали сверху, и в дорогу.

На третьи сутки сидения на морозе командир полка принял решение уходить. Ночью выбрались из оврага и поползли подальше от дороги, от немецких колонн.

«История, конечно, далеко не героическая, – признается Александр Андреевич, – не такая, как в книжках пишут, но что было, то было».

Вышли из того оврага не только живые, но вынесли раненых и погибших товарищей. Знамя, как мы уже сказали, сохранили. Вскоре полк пополнили бойцами из Сибири, и он продолжал воевать. Наступали, отходили, вновь попадали в окружение, выходили из него, а 18 февраля 1943 года – освободили Ростов-на-Дону. И пошли дальше.

Летом 248-я стрелковая дивизия заняла исходные позиции южнее Матвеева кургана на левом берегу реки Миус. На противоположном берегу гитлеровцы устроили так называемый «Стальной пояс» – глубоко эшелонированную оборону протяженностью в 100 километров и глубиной до 30 километров.

Геббельс с гордостью вещал, что теперь граница Германии на востоке будет проходить по реке Миус.

«Немцы на этом рубеже, – вспоминал Хоменко, – действительно проявили весь свой военно-строительный гений. По холмам реки протянулись четыре линии обороны, глубиной под три десятка километров, связанные между собой ходами сообщений. Впереди – ряды колючей проволоки, противотанковые ежи, земля донельзя напичкана минами всевозможной конструкции, при этом минные поля управляемые. На холмах по всему фронту – доты и дзоты, во всю глубину обороны понапиханы пулеметные гнезда, плюс еще “крабы”, своего рода кочующие глухие доты из стали – прочие смертоубийственные штуки. И вот этот “Стальной пояс” надо было проломить».

19 августа 1943 года наступление началось с артподготовки. Два часа мины и снаряды летят через головы пехотинцев. То и дело на немецкие позиции пикируют штурмовики. Кажется, на переднем крае фашистов и в живых-то никого не осталось. Но это только кажется. Немецкие артиллеристы отвечают весьма метко и эффективно.

Фронт наступления полка вместо двух километров сжат до трехсотметрового участка. Бойцы в окопах сидят плечо к плечу.

Но вот звучит команда, пехотинцы поднимаются из окопов. Впереди река. Батальоны форсируют ее вброд и дальше карабкаются на крутой берег. Главная задача – овладеть высотой, обозначенной на картах цифрами 136,0. Солдаты прозвали ее «Черным вороном». И надо признать, весьма метко. Тяжелейшие, кровавые бои разгорелись у этой горы. Только начштаба Хоменко докладывал, что дошли до такой-то «точки», как немцы отбрасывали их назад. Вновь полк собирается с силами и теснит фашистов. Неспроста при очередном докладе комдив в сердцах бросает в трубку: «С вашими докладами вы уже должны быть в Берлине».

Погибнуть в такой обстановке – раз плюнуть. Вот лишь один из эпизодов. Укрывшись в воронке от снаряда, Александр по полемому телефону отдает команду артиллеристам. Подле него находится связист и еще несколько солдат. И вдруг совсем рядом, метрах в семи –

восьми, из соседней воронки появляется фашист с безумными глазами. Как в замедленном кино, не торопясь размахивается и бросает гранату. Она падает у ног Хоменко. Тот быстро подхватывает ее за длинную деревянную ручку и возвращает владельцу. Слышится взрыв, и тело немца подбрасывает над землей. Начштаба вновь хватается трубку телефона...

Потом в представлении на орден Александра Невского комдив отметит: *«Получив боевой приказ на наступление, 18 августа 1943 года капитан Хоменко А.А. сосредоточил полк на исходный рубеж у реки Миус, и 19 августа первым форсировал ее. Батальоны под его командованием атаковали переднюю линию обороны противника, которая обустроивалась два года...*

В процессе рукопашной схватки было уничтожено до батальона пехоты противника и отбито 10 контратак».

Словом, «Стальной пояс» удалось проломить. Потери были огромные. Но оставшиеся шли вперед, и вместе с ними начштаба полка капитан Александр Хоменко.

Новогодний «подарок»

...Накануне нового 1944 года полк стоял под Никополем. Однако настроение у Хоменко было совсем не праздничное. Только что уехала из их дивизии специальная комиссия, которая, по сути, не дала ему возможности вернуться в авиацию. Вот уж воистину говорят: нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

Дело в том, что к 1944 году самолетов у нас уже было достаточно: сами их успешно собирали, да и союзники по ленд-лизу поставляли, а вот летных специалистов не хватало. Вспомнили о тех, кого в 1942 году опустили с небес на землю и отправили в пехоту. Вышел приказ Верховного Главнокомандующего вернуть летчиков и штурманов в авиацию.

Александр с большой радостью составил списки выживших в нещадных боях летчиков, разумеется, включив и себя. Более того, один из членов комиссии и должность ему уже соответствующую подобрал: начальника штаба штурмового авиационного полка. Как тут было не порадоваться.

Однако, как мудро говорят в народе, не говори «гоп», пока не перепрыгнешь... Командир дивизии генерал-майор Николай Галай, который был членом этой комиссии, уперся как бык, сказал, что авиация без Хоменко обойдется, а вот пехота – никак. С одной стороны, вроде лестно, что начальство ценит, но с другой – очень обидно. А тут еще в полку постоянные потери: немцы занимают господствующие высоты, и с них ведут прицельный огонь. Каждый день то раненый, то убитый.

«Языка» добыть не удавалось. Разведчики ползали за линию фронта, да ни с чем возвращались. А немцы, судя по всему, вели перегруппировку сил. В общем, «язык» нужен был до зарезу.

Наступило 31 декабря. Командир полка убыл в штаб дивизии якобы на совещание, а на самом деле – встречать Новый год. За себя оставил Хоменко. Словом, настроение паршивое, хуже некуда, и вдруг звонок одного из комбатов: в результате грамотных и смелых действий его подразделения захвачен «язык». Не иначе новогодний подарок!

Оказалось, произошел во многом комичный случай. Противостоящая немецкая дивизия, порядком потрепанная в боях, из-за нехватки бойцов перебросила на передовую «тыловиков». В их числе оказался и подслеповатый чертежник из штаба артиллерии. Его посадили в окоп боевого охранения, показали, откуда могут пойти советские, и приказали, если что, стрелять. Толку-то от очкарика никакого, но, может, с перепугу хоть сигнал тревоги вовремя подаст. Вот он и сидел в темноте и холоде в своем окопчике в новогоднюю ночь.

А тут к нашим траншеям подтащили баки с горячей пищей. Словом, учуял немец запах каши. До конца так и не удалось выяснить, то ли плоховидящий чертежник перепутал наши окопы со своими, то ли от голода решился на безрассудный шаг. Вылез из своего окопчика, каким-то чудом преодолел минное поле и по запаху дошел до места, где раздавали кашу. Стал в очередь. Никто на него и внимания в темноте не обратил. Только повар оказался бдительным, вылил черпак с кашей на голову немцу!

Хоменко доложил по команде и отправил захваченного чертежника в штаб дивизии. Утром оттуда сообщили, что «язык» оказался весьма ценным. Так что на войне всякое бывает, случается, и такие подарки преподносит фронтовая жизнь в Новый год.

Дальше дивизия действовала с никопольского плацдарма. В составе родного полка Хоменко в феврале 1944 года форсировал Днепр. Он находился во второй лодке, которая дошла до берега, занятого врагом. Потом нередко про себя шутил: греби посильнее, и быть бы им Героями Советского Союза. Правда, тут же вспоминал, как фашистский снаряд попал в лодку, которая шла справа от них, и думал: наград у него хватает, главное, что жив остался.

Потом их путь лежал на Николаев, а там... и родная Одесса. Полк занял ее 11 апреля 1944 года. Хотелось пройтись по знакомым с детства улицам, полюбоваться цветущим городом. Тем более, что советские войска вошли в город быстро и разрушений здесь оказалось намного меньше, чем например, в Ростове-на-Дону.

Рядом с оперным театром его окружили женщины, наперебой рассказывая, что фашисты несколько дней подряд завозили в здание мины. Хоменко выставил оцепление и послал туда саперов. Они вернулись и доложили: театр действительно заминирован, оставалось только включить рубильник. Провода, ведущие к минам, они перерезали, а ему вручили записку, оставленную на рубильнике. Оказалось, это послание от военного коменданта Одессы. Немецкий генерал писал, что получил приказ взорвать оперный театр, но сделать это не смог. Не поднялась рука разрушить такую красоту.

Пока полк стоял в Одессе, Александр выбрал время, чтобы приехать в знаменитую Кривую Балку. Здесь родился его отец Андрей Хоменко, да и он сам. Правда, в 1933 году, когда голод накрыл Одессу, они уехали на мамину родину в Старый Крым. С тех пор он не появлялся в родном городе.

...Дальше была Яско-Кишиневская операция, освобождение Белоруссии, Польши. До Берлина командир 899-го Берлинского стрелкового полка майор Александр Хоменко не дошел. Его отправили учиться в Военную академию им. М.В. Фрунзе.

Учиться и еще раз учиться...

Набор слушателей в академию в победном 1945 году можно назвать уникальным в истории этого заслуженного учебного заведения. В народе его так и окрестили – «золотым». Еще бы, вместе с Хоменко учились трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин, дважды Герои – Алексей Алелюхин, Владимир Лавриненков, Иван Павлов... Всего десять дважды Героев и около пятидесяти Героев. На парад академия выставляла батальон Героев Советского Союза.

Но дело не только в этом. Разумеется, в академию собрали лучших из лучших, тех, кто выдвинулся на фронте, но не имел крепкого базового образования. Теперь их, офицеров разных родов войск, собрали в одном ведущем учебном заведении страны, чтобы дать фундаментальную общевойсковую подготовку.

Что, собственно, было за спиной у молодого командира полка майора Хоменко? Первый курс летного, да полгода ускоренного пехотного училища. Конечно, четыре года войны, фронтовой опыт. Впрочем, в академии в ту пору иных и не было, все боевые офицеры.

«Как показало время, – скажет Александр Андреевич, – этот набор был блестящим: сплав фронтового опыта и фундаментального образования позволил на долгие годы обеспечить Вооруженных сил страны грамотными и толковыми военачальниками, которые действительно учили тому, что необходимо на войне».

По окончании академии Хоменко назначили на должность начальника штаба дивизии в Таврический военный округ. Однако командировать к месту службы не торопились. Судя по всему, имели иные виды на него.

Вскоре все стало ясно. Оказывается, «глаз на него положили» разведчики. То ли вспомнили вдруг, что он войну начинал командиром роты разведки, то ли были иные резоны, но предложили несостоявшемуся начштаба дивизии поучиться еще, на этот раз в Военно-дипломатической академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Кто же от такого предложения отказывается? Не отказался и Александр Андреевич.

Еще четыре года учили его уму-разуму. Как он сам выразился, «учили на совесть». А по окончании академии в 1952 году должны были направить в аппарат военного атташе в одну из зарубежных стран. И направили бы... Но оказался подполковник Хоменко... невыездным.

Откровенно говоря, этот отказ выпустить его за границу стал во многом откровением и для него самого. Нет, конечно, он знал, что его жена Тамара, выпускница Московского химико-технологического института, трудится в научно-исследовательском учреждении, которое возглавляет некто Курчатов. Собственно, эта фамилия ему ровным счетом ничего не говорила.

Да, он знал, что курчатовское НИИ является закрытым, но не настолько же... Оказалось, что его любимая супруга – носитель государственных секретов, и связаны они с разработкой ядерного оружия. А, как известно, работы по созданию атомной бомбы курировал сам Лаврентий Берия. Так что ни о какой поездке за границу не могло идти и речи. Во всяком случае, пока жена работала в этом НИИ. А отпускать ее никто не собирался.

В общем, патовая ситуация. Учился, столько лет готовился, и, как шутили на фронте, «получи, фашист, гранату». Однако тут было не до шуток. Конечно, работу ему нашли. Не оперативную, разумеется. Направили в информационное подразделение. Душа, конечно, не приемлила, но куда денешься, смирилась. Впрочем, потом он будет благодарен судьбе за эти два года в информации. Опыт получит бесценный, который очень пригодится в будущем.

А начал Хоменко с того, что поручили ему сделать перевод книги генерала Гейнца Гудериана, военного теоретика, пионера моторизованных способов ведения войны, родоначальника танковых войск.

В подчинении у него была группа переводчиков, в которой работали, как рассказывал Александр Андреевич, «представители весьма знатных фамилий: сыновья известных советских полководцев и партийных деятелей. И они хоть время от времени “выбрасывали номера”, но “пахать” умели, и потому группа уложилась в срок сдачи книги в набор».

После столь успешной пробы сил Александру Андреевичу доверили работу весьма серьезную и ответственную: обработку и анализ поступающей информации. А информации было вполне достаточно. Организация Североатлантического договора НАТО, образованная в 1949 году, проводила ярко выраженную агрессивную политику. Разгоралась «холодная война». Следовало провести тщательный анализ и просчитать все геополитические опасности, которые могут нести угрозу Советскому Союзу. Разумеется, и разработать меры по противодействию.

Подобная работа была выполнена. Докладная записка, отработанная Александром Хоменко, утвержденная руководителем группы, потом начальником управления, за подписью начальника Информации ГРУ генерал-лейтенанта Василия Хлопова легла на стол И.В. Сталина. Разумеется, перед тем как отправить записку в Кремль, с ней ознакомились и начальник Генштаба, и министр Вооруженных сил Маршал Советского Союза Александр Василевский. И никто не заметил ошибки, допущенной Хоменко. В звании Хлопова – генерал-лейтенант танковых войск – оказалась потерянной буква «н». Получилось не «танковых», а «таковых». Сталин единственный выловил ошибку и шутливо написал на полях: «Каковых?» В таком виде она и возвратилась в ГРУ на стол Хоменко. Кстати, текст докладной записки не вызвал у руководителей страны никаких сомнений, уточнений или возражений. Это к слову о том, насколько внимательно изучал Сталин документы, представляемые разведкой.

А вскоре Александру Хоменко было предложено возглавить направление по изучению и анализу войск НАТО.

К счастью, о нем не забыли и в оперативном управлении. Нашли-таки возможность забрать его супругу из курчатовского НИИ. Издали приказ по министерству о переводе Александра Андреевича на Дальний Восток. Стало быть, жене следует ехать вместе с мужем. Таким образом, она оказалась уволенной и свободной. Но так случилось, что на Дальний Восток Хоменко не поехал, а отправили его совсем в обратную сторону – в страну, расположенную в центре Европы, – в Швейцарию.

В стране Вильгельма Телля

Полковник Александр Хоменко приехал в Швейцарию в 1954 году. Вместе с военным атташе полковником Филиппом Гончаровым им пришлось разворачивать аппарат в этой стране. Словом, они были первыми.

Швейцария не очень-то торопилась устанавливать дипломатические отношения с Советским Союзом. Если Франция их установила в 1924 году, Великобритания тоже в 1924-м, правда, с перерывом в 1927–1929 годах, США – в 1933-м, то «страна часов и банков» – только после Второй мировой войны, в 1946-м. Однако прошло еще долгих восемь лет, прежде чем эта альпийская республика дала добро на открытие аппарата военного атташе в Берне. И таким образом, они стали первыми представителями советских вооруженных сил в этой стране.

Боевое крещение атташе и его помощника состоялось... на балу. Министр обороны Швейцарии устраивал рождественский бал, на который были приглашены представители военных атташатов, аккредитованных в стране.

И пусть Хоменко со своим начальником приехали в Швейцарию недавно, всего месяц с небольшим, заочно они успели изучить своих коллег из других государств. Откровенно говоря, офицеры тут служили непростые, как правило, представители самых богатых и знатных семей Европы. Ничем подобным советские атташе похвастаться не могли, да и не собирались. За их спиной была большая, могучая страна – победительница фашизма. И оттого, признаться, не хотелось ударить лицом в грязь. Ведь это был первый выход советских военных дипломатов в свет.

Из протокольного отдела позвонили, обрадовали: на балу установлена форма одежды – мужчины в смокингах, женщины – в вечерних платьях. Смокингов, разумеется, ни у Гончарова, ни у Хоменко не было. Уточнили, можно ли в военной форме? Можно. Что ж, нагладились, начистились, надели парадные мундиры – и на бал.

Усадили советских представителей за главный стол – министр обороны с супругой, рядом полковник Гончаров, Хоменко, дальше американский военный атташе с женой.

«В общем, сидим, разговариваем, – вспоминал Александр Андреевич, – французский язык у меня не очень. Хотя и учил в академии долго и добросовестно. Но практики-то настоящей не было.

Вдруг начинает звучать музыка, но танцевать никто не выходит. Все смотрят на министра и его жену. А тот почему-то супругу не приглашает. Американец тоже не шевелится.

Оркестр сыграл мелодию и начинает новую, звучит вальс. Филипп Иванович мне моргает, шепчет на ухо: “Александр Андреевич, надо пригласить жену министра”. Я отбиваюсь: “Вы же военный атташе...” А он гнет свое: “Родина требует”. До сих пор помню эти слова. Ну, раз требует, встаю, приглашаю. Выходим в центр зала, а она высокая, худая. Пришлось подтянуться на носочки и вперед, закружились в вальсе. Спасибо преподавателям из Большого театра, которые учили нас танцам в академии. Экзамен сдал успешно!»

Что ж, рождественский бал и вальс с супругой министра – дело важное, однако полковника Хоменко одолевали иные заботы. Центр, например, интересовала мобилизационная система Швейцарии. Признаться, ее особенно не секретили, но она была весьма оригинальная и во многом уникальная. Страна с небольшим, в ту пору 5-миллионным, населением могла в короткий срок развернуть армию в 850 тысяч человек. Тогда как численность воору-

женных сил крупнейших стран Европы – Великобритании, Франции – не дотягивала и до полумиллиона человек.

«Механизм мобилизации, – уверен Хоменко, – был отлажен как швейцарские часы». Там солдаты, отслужившие в армии и прошедшие соответствующую военную подготовку, уходили домой с оружием. Стало быть, по боевой тревоге каждый швейцарец, полностью экипированный, с оружием и боеприпасами мог в считанные часы прибыть в пункт сбора. СССР, конечно же, не Швейцария, и вполне понятно, что подобный подход в нашей стране невозможен, но изучить уникальный опыт было весьма полезно. Что, собственно, и сделали. Свой вклад в изучение и осмысление этого опыта внес и полковник Хоменко.

Были и иные задачи, если поточнее выразиться, весьма своеобразные и деликатные. Как-то раз пришло указание из Центра: подготовить и провести спецоперацию по переводу денег с одного счета на другой. На первый взгляд, что тут сложного, тем более в «стране банков». Однако один неверный шаг, и на запястьях советского полковника могли щелкнуть наручники. Конечно, разобрались бы, в тюрьму не посадили бы, дипломат ведь, но широкую огласку в прессе, объявление персоной нон грата и шумное выдворение из страны можно было получить запросто. А дело заключалось в том, что Хоменко пришлось в одном из банков Швейцарии выдавать себя совсем за другого человека. За нашего разведчика-нелегала, у которого на счету находилась весьма крупная по тем временам сумма – более 50 тысяч долларов. Сам он в банке «засветиться» не мог, потому как был раскрыт, перешел на запасные документы, но успел выставить сигнал тревоги. По пятам за ним шла контрразведка.

Деньги с его счета надо было снять срочно и перевести в другую страну. Но для этого следовало соблюсти некоторые важные формальности. Например, расписаться в финансовых документах, так чтобы даже прожженные швейцарские банкиры не заподозрили подделки. Сложная задача. Да не то слово. Но Хоменко умело сыграл роль владельца счета и подпись такую поставил, которая не вызвала сомнений. Деньги были спасены. А нервы?.. Об этом знает только сам Александр Андреевич.

Ошибается тот, кто думает, что Швейцария, как принято считать, страна банков, часов и сыра. У нее уже в ту пору была достаточно развитая оборонная промышленность. Разумеется, производимые технические новинки поставлялись в армии Запада. Именно поэтому швейцарские ученые и инженеры умели по достоинству оценить высокотехнологичную продукцию. Так случилось с советским самолетом ТУ-104, который, совершив перелет по маршруту Москва – Цюрих, принял участие в Международной авиационной выставке.

14 стран участвовали в показе авиационной техники. Все демонстрировали военные машины, и только СССР представил пассажирский реактивный лайнер. наших авиаторов осаждали тысячи посетителей. Они пользовались большим успехом у местных жителей.

Александр Хоменко запомнилась выставка и триумф самолета ТУ-104 тем, что именно в эти дни их работа также завершилась отличным результатом. Удалось добыть аппаратуру слежения за тактическими ракетами на поле боя.

Впрочем, в разведке случается всякое. И тут очень к месту народная мудрость про то, что «никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь». Порою самые точные расчеты бессильны перед чувствами и убеждениями человека. Подтверждением этой мысли может служить история, произошедшая с Хоменко.

А история эта поначалу выглядела, как стопроцентная подстава со стороны контрразведки. Ну, просто классика, как учат в академии. Потому Александр Андреевич сильно сомневался, соглашаться ли ему на встречу со странным незнакомцем. А дело в том, что некоторое время назад на него вышел немец, который представился бывшим летчиком-асом. Он упорно желал познакомиться с помощником советского военного атташе. И все-таки после некоторых раздумий Хоменко рискнул и согласился на встречу.

Собеседник сказал, что он из Германии, и сразу же заявил: никакой любви к Советскому Союзу не испытывает, скорее наоборот. В годы войны воевал на Восточном фронте и сбил 30 самолетов противника. Фамилии своей он не назвал.

Надо сказать, что, глядя на немецкого аса, подобные чувства испытывал и Александр Андреевич. В голове даже мелькнула мысль: а не ты ли, гад, расстреливал мой тихоходный бомбардировщик в 1941 году? Только, признаться, в такие совпадения Хоменко не верил.

Впрочем, дальнейший разговор складывался намного удачнее, чем его начало. Летчик сказал, что ныне владеет аэроклубом, обучает летать других и по-прежнему много летает сам. А сверху, как известно, видно многое. И потому он владеет ценной информацией.

Например, где американцы разворачивают свои военные базы, на которые доставляются ракеты с ядерными боеголовками. Понимая, что слова остаются словами, немецкий летчик передал Хоменко карту с нанесенными базами на территории Западной Германии, а также отснятую киноплёнку. Он не просил оплату, но высказал пожелание, чтобы руководство СССР приняло необходимые меры по противодействию американской экспансии. А закончил встречу словами: «Я не желаю воевать. И не хочу, чтобы воевали мои дети».

Остается добавить, что Центр высоко оценил этот материал. Судя по всему, выстрел оказался точным, как у легендарного героя Швейцарии Вильгельма Телля.

...В 1959 году закончилась длительная зарубежная командировка полковника Александра Хоменко. Он возвратился на родину, работал на французско-бельгийском участке 1-го европейского управления.

Однажды его пригласил к себе начальник управления генерал-лейтенант Алексей Коновалов.

– Александр Андреевич, решено вас послать в Италию военным атташе.

Хоменко пытался возражать: мол, язык у него французский, итальянского не знает. Но возражения не были приняты. И он начал готовиться к очередной командировке.

В Вечном городе

Концерт Краснознаменного ансамбля песни и пляски им. А.В. Александрова начинался в пять часов вечера в помещении римского дворца спорта. Это было выступление прославленного коллектива перед солдатами и офицерами столичного гарнизона. Его посетил министр обороны Джулио Андреотти. Это потом «вечный Джулио», как назовут его итальянцы, будет занимать разные министерские посты, возглавит правительство Италии, но тогда, в 1965-м, он руководил военным ведомством.

Откровенно говоря, военному атташе Советского Союза в Риме полковнику Александру Хоменко стоило немалых трудов добиться разрешения на этот концерт. Ведь Италия – одна из 12 стран, которые стояли у истоков создания Североатлантического альянса. Правительство проводило проамериканский курс, и это означало, что СССР рассматривался им, как потенциальный противник. Тем не менее Александр Андреевич упорно убеждал генералов из итальянского Генштаба в необходимости укрепления культурных связей. Генералы долго думали, но так и не решились дать «добро». Пришлось убеждать Андреотти. Сослался на то, что «александровцы» уже выступали в Англии и во Франции. Тоже ведь натовские страны. С трудом, но Андреотти убедить удалось. И теперь он с удовольствием наблюдал, как в ложе для vip-персон размещался министр и его многочисленная свита.

Право же, надо признать, что осторожный Джулио Андреотти сомневался не зря. Все, что произошло потом на концерте, не лезло ни в какие «натовские ворота».

«Эффект выступления нашего военного ансамбля, – вспоминал потом Александр Хоменко, – превзошел все ожидания. Зал с огромнейшим энтузиазмом воспринимал песни – и военные, и народные. Создавалось впечатление, что итальянские солдаты отлично понимали, о чем поется, хотя пелось на русском. А как они наши пляски воспринимали! Ну а когда была исполнена песня итальянских партизан “Белла чао”, зал, как один человек, поднялся с мест и начал подпевать. Потом ребята от избытка впечатлений в массовом порядке полезли на сцену, лично пожать руки, похлопать по плечу наших военных артистов, обменяться с ними пилотками или кокарами. Более всего это походило на братание.

Это был триумф, который я наблюдал из ложи для vip-персон вместе с нашим послом и, как говорится, шкурой чувствовал, что представители итальянского министерства обороны меня тихо ненавидят».

Первым, не выдержав такого поведения своих подчиненных, покинул зал министр обороны Джулио Андреотти. За ним поспешили генералы. А назавтра произошедшее уже обсуждалось на заседании руководства Генштаба. Поминали недобрым словом изворотливость советского военного атташе, ну и сетовали на собственные просчеты. Что же касается Хоменко, то триумф «александровцев» в Вечном городе он считал во многом и своей победой.

Справедливости ради надо сказать, что такие бесспорные удачи сопровождали Александра Андреевича не всегда. Однако он всегда верил в правоту дела, которому служил, и никогда не отступал от своих принципов.

Как-то в Болонье, в преддверии 20-летней годовщины Сталинградской битвы, национальная ассоциация итальянских партизан пригласила выступить его с докладом. Выступление советского военного атташе вызвало большой интерес у жителей города. Местный дом культуры был заполнен до отказа.

Итальянским языком Хоменко к тому времени владел достаточно хорошо, но во избежание ошибок в качестве переводчика выступал секретарь посольства Анатолий Адамишин, который знал итальянский в совершенстве.

Сначала Александр Андреевич рассказал о ходе Сталинградской битвы, а потом, как обычно, было отведено время для вопросов. И первым прозвучал вопрос об участии в сражении итальянских войск. Как говорил сам Хоменко, он старался ответить на него с «максимальным тактом». Однако это не помогло. Накануне в зал проникла группа молодчиков, которые и забросали сцену тухлыми яйцами и помидорами. Досталось и атташе, и переводчику.

Молодых провокаторов быстро выбросили из зала, организаторы мероприятия извинились перед советскими дипломатами, и после приведения их одежды в порядок вечер продолжился.

Надо отдать должное ассоциации партизан. Они нашли достаточно трогательное продолжение: в зале погас свет, матери и вдовы солдат, погибших под Сталинградом, стали читать отрывки из писем, которые они получили в ту военную пору.

«Помню, в одном из посланий, – признавался Александр Хоменко, – солдат рассказывал, как с ним в полуразрушенной избе поделилась скудной едой древняя старуха, как другому перевязали раны. Русские люди, писали итальянские солдаты, нам не враги и нас они не рассматривают врагами. Многие из собравшихся плакали».

Что и говорить, такие минуты дорогого стоят. Однако надо сказать, что работа полковника Хоменко состояла не только и не столько из подобных мероприятий. Ведь он был не просто военным атташе, но и руководителем разведаппарата. От него ждали информации о деятельности НАТО на территории Италии. А НАТО использовало Италию, что называется, по полной схеме. В 1959 году здесь были размещены две эскадрильи ядерных баллистических ракет средней дальности PGM-19 «Юпитер». Их разрабатывал фашистский конструктор Вернер фон Браун, вывезенный в США в 1945 году.

Позиции передового базирования этих ракет, с дальностью полета в 2,5 тысячи километров, были крайне опасны. Они держали под прицелом не только стратегические объекты стран – участниц Варшавского договора, но и Советского Союза.

Десять батарей боевых ракет «Юпитер» натовские генералы развернули в 1961 году. Они меняли места своей дислокации. В близлежащих населенных пунктах обустроили склады горючего и жидкого кислорода.

В том же году ядерные ракеты были развернуты и в Турции.

Вся эта ракетная группировка могла нанести тяжелейший удар по нашей территории. Собственно, это и привело впоследствии к ответному развертыванию советских ракет на Кубе. Вслед за этим, как известно, последовал Карибский кризис.

Разумеется, руководство военной разведки хотело знать не только районы расположения баллистических ракет «Юпитер», но и какие цели на нашей территории они должны уничтожить в случае ядерного удара. Эта задача римской резидентурой была выполнена успешно. В руках наших разведчиков оказалась натовская программа боевого применения «Юпитеров».

Многие офицеры, которые работали в Италии под руководством полковника Хоменко, станут впоследствии генералами и адмиралами, возглавят управления, кафедры Военно-дипломатической академии, разведаппараты в других странах.

Сложность работы в Италии была не только в том, что она имела блоковый статус, и спецслужбы США чувствовали себя там, будто в родном доме. Внутренняя политическая обстановка в стране находилась в состоянии нестабильности. Александр Андреевич метко назвал ее «лихорадкой» политической жизни.

У разведчиков есть шутка: каждому резиденту по перевероту. Свой переверот, правда неудавшийся, пережил и Хоменко.

В 1964 году заговорщики решили вернуть на трон короля Умберто II. Он вот уже 20 лет находился в изгнании, после того как итальянцы на референдуме высказались за провозгла-

шение республики. Однако республика была не всем по нутру, и потому решили изгнанника вернуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.